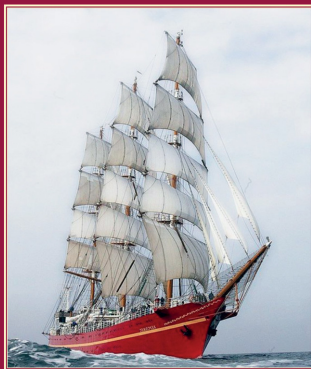

ИГОРЬ МИХАЙЛОВ

СЛЕД НА ПЕСКЕ

Игорь Алексеевич Михайлов

След на песке

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48766468

След на песке / Игорь Михайлов: У Никитских ворот; Москва; 2020

ISBN 978-5-00095-929-9

Аннотация

Новая книга московского писателя и публициста Игоря Алексеевича Михайлова составлена из исторических миниатюр и рассказов. Собрав уникальные факты и новые свидетельства, автор повествует о переломах в жизни известных людей, чьи имена и биографии вошли в мировую историю и культуру.

Герои рассказов оказываются в различных обстоятельствах, которые во многом определяют их жизнь и судьбу, познают, как случай и время властвуют в этом мире.

Данная книга будет интересна широкому кругу читателей, в первую очередь тем, кто интересуется историей и биографиями известных людей, а также творчеством автора.

Содержание

От автора	4
Исторические миниатюры	6
Орлы летают в одиночестве	6
Доброта доктора Гааза	29
Полковник Российской армии и генерал США	50
Смерть в Баденвайлере	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Игорь Михайлов

След на песке

*Посвящается моей жене, другу и помощнику
Татьяне Михайловой (Трефиловой)*

От автора

Известна истина, что на земле существуют два величайших тирана: время и случай. Лев Толстой, рассуждая о силе творчества, писал: «Время проходит, но сказанное слово остаётся».

Эта книга создавалась долго. В ней мне хотелось рассказать о тех людях, исторических личностях и выдающихся представителях недавнего прошлого, которые своей деятельностью и судьбой поразили меня. Работая над миниатюрами, я стремился найти новые и напомнить малоизвестные факты, свидетельства современников и документы, которые позволят лучше понять и осмыслить их достижения, поступки и дополняют их биографические портреты. Как известно, история – это, в конечном счёте, биографии известных и великих людей.

Каждая историческая миниатюра – это моё восприятие известного человека и событий в его жизни, которые опреде-

лили его судьбу. Главной задачей, которую я стремился решить, было стремление достичь гармонии между документальными фактами и художественной реконструкцией атмосферы прошлого.

Во вторую часть этой книги вошли рассказы, которые были написаны в последние годы после путешествий, встреч, воспоминаний и размышлений. У каждого из рассказов своя судьба: один из них – документальная история о похищении «Джоконды», гениальной картины Леонардо да Винчи, полностью основывается на реальных фактах и был написан для московского журнала. Рассказ «Полёты над Арктикой» создавался вначале как киносценарий...

Сегодня мы там, куда нас привели наши мысли, чувства и знания. Надеюсь, эта книга приведёт всех, кто её прочтёт, к новым размышлениям и открытиям. Писатель Андрэ Морюа считал время честным критиком. Какой получилась эта книга, определит, конечно, время, но и вы, её читатели.

Игорь Михайлов

Исторические миниатюры

Орлы летают в одиночестве

*Мы стоим лишь того, чего стоят чаши тревоги
и печали.*

М. Метерлинк

*Сердце государственного деятеля должно
находиться в его голове.*

Наполеон I

Не спеша, тяжело ступая, император шёл к большому валуну на берегу океана. Он часто стоял рядом с ним и, всматриваясь в подзорную трубу, изучал морские просторы вокруг острова. Наполеон уже несколько лет не мог сидеть в седле и передвигался по острову только в конной коляске. Он не любил, чтобы во время прогулки кто-то наблюдал за ним, особенно когда зеваки собирались вдалеке в группки и, показывая на него пальцами, тихо что-то обсуждали до тех пор, пока английские солдаты их не заставляли разойтись.

Император вглядывался в морскую даль, но ни одного паруса или силуэта судна не появилось на горизонте: иногда корабли Ост-Индской компании приходили на остров, чтобы пополнить запасы воды и доставить почту. Океан нава-

ливался волнами на остров, напоминая солёными холодными брызгами, что на многие тысячи километров царит он, огромный и мощный.

Наполеон хорошо помнил, как пять лет назад 17 октября 1815 года он сошёл с борта корабля «Нортумберленд» и оказался на этом острове-тюрьме. У него был шанс после Ватерлоо, когда он оказался в порту Рошфор, уплыть в Америку, но британский флот заблокировал гавань. 15 июля 1815 года император сдался капитану «Баллерофонта» Фредерику Мейтленду, который доставил его в Плимут. 31-го июля его, главного узника Англии, было решено отправить на остров Святая Елена.

Последние месяцы его всё чаще преследовали воспоминания, когда из закоулков памяти в воображении возникали лица людей, сцены битв, случайно услышанные мелодии или приказы, которые он отдавал своим маршалам и генералам...

Но сегодня с самого утра, когда за окном был плотный туман, Наполеон лежал в постели и чувствовал, что боль в правом боку медленно отступала. Он смотрел на зажжённую свечу, и волна воспоминаний уносила его в молодые годы, когда он ещё не был ни генералом, ни императором.

Это было в далёком 1788 году. Умерший отец и старый дом на Корсике, долги семьи и мать, которой необходимо было помогать, заставили его, молодого офицера, искать пути для заработка. У европейских военных того времени был

проверенный, но опасный способ заработать: воевать за границей, служить тем, кто хорошо платил за их ратный труд.

В конце XVIII века иностранным офицерам хорошо платили в русской армии, которая вела войну с Турцией.

...Лейтенант Буонапарте приехал в итальянский портовый город Ливорно, куда прибыл русский генерал, посланец царицы. Удивительно, но он помнил даже его имя и фамилию – Иван Заборовский. Генерал координировал набор волонтёров, европейских офицеров в русскую армию. К тому времени, окончив 3 ноября 1785 года Парижскую военную школу, Наполеон, офицер-артиллерист, служил в городке Оксонне. Приехав однажды домой в отпуск на Корсику, он увидел родной дом и близких. Там он понял, что без его помощи семья обречена на бедность. Узнав, что можно заключить контракт и уже несколько человек уехали воевать за хорошую плату под российским флагом, Наполеон недолго сомневался. Конечно, не о такой карьере он мечтал в стенах Парижской военной школы, но он хорошо сознавал, что успех, да и заработок офицера зависят от военного опыта.

Спустя 30 лет Наполеон стоял на берегу острова Святой Елены и с усмешкой вспоминал встречу с русским генералом. Он помнил, как его адъютант на хорошем французском языке упорно объяснял, что в России готовы принять Наполеона Буонапарте, но только... в звании на ступень ниже.

Это заявление удивило и возмутило его. Наполеон холодно произнёс, что убедительно просит у генерала Заборовско-

го личной аудиенции.

Адъютант попытался что-то ещё объяснить, но затем неожиданно вскочил и решительно подошёл к двери кабинета генерала. Открыв её, он что-то сказал по-русски. Услышав ответ, вошёл в кабинет генерала. Отсутствовал он довольно долго. Когда адъютант вышел в приёмную, лицо его было красным; он сухо произнёс, что генерал примет лейтенанта Буонапарте.

Офицер взял со стола прошение Наполеона, и они вместе вошли в большой кабинет. Генерал сидел за столом и внимательно изучал какие-то записи. Увидев входящих, он встал и вопросительно взглянул на своего адъютанта. Тот протянул прошение, и генерал с улыбкой предложил Наполеону сесть напротив. Он быстро его прочитал и спокойно начал объяснять.

Генерал начал с того, что в России уже служат сотни офицеров из Европы и все счастливы и довольны условиями. Замечательные выпускники Парижской военной школы, тем более артиллеристы, очень нужны русской армии. Но императрица не так давно приняла решение, что все без исключения иностранные офицеры будут приниматься со званием на ступень ниже тех, что они имеют в своих армиях.

Генерал снисходительно улыбнулся. Он жестом продемонстрировал, что это решение окончательное. И добавил, что не в силах изменить это решение. Наполеон сухо произнёс, что не понимает, почему он, выпускник лучшей в

мире Парижской военной школы, в русской армии должен быть понижен в звании. Отдав честь, лейтенант Буонапарте заявил, что удивлён решением русской императрицы и это условие его не устраивает. Затем резко развернулся и быстро вышел из кабинета.

В приёмной на вопрос адъютанта Наполеон повторил, что условие с понижением звания для него неприемлемо, и добавил, что пойдёт служить в прусскую армию. Вильгельм II с радостью примет выпускника Парижской военной школы, присвоив ему звание капитана.

Он вспомнил удивлённое лицо русского офицера, который, прощаясь, пожелал ему успехов.

Кто знает, как сложилась бы судьба, если б он согласился служить российскому императрице или прусскому королю? Где сейчас этот русский генерал и бравый адъютант, которые тогда не понимали, почему он был так возмущён и не хотел служить с понижением звания, но за хорошие деньги. Интересно, а поняли они позже, что к ним приходил будущий император Франции, который со своей армией через пятнадцать лет завоюет континентальную Европу и дойдёт до Москвы?..

Наполеон с усмешкой подумал, как случай играл свою роль в его жизни. Вернувшись из Италии в Оксонн, в свою часть, он вскоре попал на гауптвахту. Там случайно обнаружил том «Институций Юстиниана», своего рода учебник для студентов по римскому праву. Он тщательно прочёл его

и осознал, как важно провести реформу особенно гражданского права в изменяющейся Франции.

Император помнил удивлённые лица крупнейших юристов страны, когда он по памяти цитировал нормы и положения римского права. Его Гражданский кодекс был принят после Великой Французской революции в 1804 году. Вскоре во многих странах мира его стали переводить и юридические нормы и правила заимствовать. Назвали кодекс по его предложению «Гражданским кодексом французов», но в 1807 году переименовали в «Кодекс Наполеона». Он был не против...

...Тяжело ступая, император двинулся по тропинке. «Да, случай правит миром. А люди под любое случайное событие ищут божественное провидение. Бог – это и есть случай. А случай создаёт сам человек... Получается, он и есть Бог?» – думал Наполеон.

Он любил и одновременно опасался воспоминаний. Они часто меняли его настроение и уносили в прошлое, которое было непредсказуемо, и его было невозможно ни вернуть, ни изменить.

Наполеон поймал себя на мысли, что особенно опасался воспоминаний ночью, когда начинал болеть желудок, со спазмами и тошнотой, часами не давая ему покоя. И даже когда боль стихала, он долго не мог уснуть и, ворочаясь, размышлял о своей судьбе и том одиночестве, которое преследовало его всю жизнь.

Вот и сейчас он вспомнил историю с турецкими солдатами, которых приказал расстрелять на берегу моря рядом с Яффой. Французы захватили их в плен, когда незадолго до этого был убит их парламентёр. Этого Наполеон не прощал...

Кроме того, в тот Египетский поход в армии были проблемы со снабжением едой и водой. Как-то он услышал слова одного из своих генералов, что турецким солдатам, взятым в плен, обещали оставить их в живых. После слов о чести и обещаниях Наполеон посмотрел своим «кинжальным» взглядом на говорившего офицера и негромко приказал расстрелять пленных. Он жёстко заявил, что его великой армии не хватает воды и еды, для него важны его солдаты, а не пленные турки.

Позже полководец понял, что египетская жара, нападавшие мамелюки, величественные пирамиды и смотрящие на него из вечности сфинксы – всё это были особые знаки. Возможно, Бог решил наказать его за несправедливость и жестокость. «Но войны без жестокости и смерти не бывает. Завоевать страну или какую-то область без применения силы невозможно. Конечно, Талейран большой ловкач в дипломатии, но что такое дипломатия без мощной армии?» – пытался оправдать своё решение Наполеон, чувствуя, что всё это его не убеждает.

Неожиданно волна воспоминаний унесла его на Корсику. Как жаль, что он так рано покинул родной дом и оказался

один в ранней юности во Франции, где многое не воспринимал, говорил по-французски с корсикано-итальянским акцентом, где так рано познал одиночество и разочарования.

Здесь, на острове Святой Елены, бывший император неожиданно сделал для себя открытие, что острова в его жизни присутствовали всегда с момента рождения: родной дом – это Корсика, первая ссылка и остров Эльба, и этот худший и ненавистный остров – Святой Елены, с отвратительным влажным климатом, неожиданными пронизывающими ветрами и с трусливым и гнусным тюремщиком, английским губернатором, его британским флагом и солдатами.

Одна жизнь и три острова. И ещё был один остров, где обитали ненавистные англичане, пленником которых он оказался... Наполеон усмехнулся тому факту, что он, водивший армейские полки по земле, столько раз в жизни был так тесно связан с морем, и не всегда по своей воле. «Мне нужен был сильный и быстроходный флот. С Англией надо было покончить до похода на Восток: война на два фронта всегда обречена на неудачу», – император с досадой подумал, что у него не было достойного советника, который бы мог убедить его. Талейран всегда стремился говорить лишь то, что ему нравилось. А это не советник...

Он подошёл к большому скалистому камню на берегу Наполеон смотрел вдаль и, вглядываясь в морской горизонт, оказался вновь в плену воспоминаний. Сегодня ему неожиданно приятно было перебирать в памяти, как продуманно

он осуществлял континентальную блокаду Британии и как удачно для Франции смог договориться в 1807 году с Россией. Тогда российский император активно помогал Пруссии. Французская армия 3 июня 1807 года нанесла поражение при Фридланде русской армии, которой командовал Беннигсен. Когда поступили предложения о переговорах, он настоял на личной встрече с императором Александром I.

Наполеон вспомнил, как Талейран, удовлетворённо потирая руки, улыбаясь, давал ему советы по проведению личной встречи. Он усмехнулся и вновь предался воспоминаниям. Это были самые необычные переговоры в его практике.

Через десять дней вблизи Тильзита, на середине Немана, был закреплён плот с шатром. Туда и прибыли два императора с противоположных берегов реки. Очень символической была обстановка. Около часа Наполеон и Александр I беседовали, получая удовольствие от встречи и тех предложений, которые почти во всём устраивали обе стороны. После них континентальная блокада Британии была усилена, и на этот раз с помощью России, которая стала его союзником.

В память об этой встрече, соглашении двух императоров он хранил великолепный орден Святого Андрея Первозванного, высшую награду Российской империи. Позже он спросил Талейрана, почему этот святой так почитаем русскими. Тот объяснил, что Андрей Первозванный занимался распространением христианства в древней Руси. Был распят и считается покровителем России.

Александр I наградила всю французскую делегацию, прибывшую на заключение Тильзитского мира. Кроме Наполеона ордена были вручены его брату – Жерому Бонапарту, маршалам Мюрату и Бертье, а также князю Талейрану. Это был впечатляющий и красивый поступок российского императора, если учесть, что к ордену с золотой цепью, расписанной эмалью, прилагалась бриллиантовая звезда, которая стоила целое состояние.

В ответ Наполеон наградила русского царя орденом Почётного легиона.

«Да, Россия меня и в памяти не отпускает», – подумал с досадой император.

Где-то вверху он вдруг услышал птичий крик. Наполеон поднял голову и увидел клин летящих высоко птиц. Это были крупные белые гуси. Впереди, в центре клина вожак, мощно рассекая воздух крыльями, увлекал вдаль свою стаю.

«Кто его знает, возможно, они летят на Корсику или во Францию? Как жаль, что я не могу улететь вместе с ними с этого проклятого острова, – подумал император. – Жаль, что у меня нет армии и я не могу, как это было на Эльбе, устремиться с солдатами на континент и ударить по врагам...»

Фамилия одного человека, генерала, хотя он и не был его врагом, продолжала преследовать Наполеона вместе с именами противников. «Груши, Груши, как мог ты так запутаться со своими полками 40-тысячной армии при Ватерлоо. Ты, опытный офицер, умудрился нанести страшный удар в спи-

ну своему императору и величию Франции? Ведь вся битва была так детально продумана. Как мне нужны были в те минуты твои полки! Твоя армия обеспечила бы мне победу и изменила бы историю», – размышлял Наполеон и вдруг почувствовал растущую боль в правой части желудка.

Наполеон с неприязнью посмотрел на видневшихся вдали английских солдат, охранявших его на острове. «Что делать, когда жизнь сведена до уровня чужого дома, надоевшей свиты и ненавистных британцев?» – подумал брезгливо бывший император.

Он посмотрел вновь вверх. Птичий клин уже исчез. Нахлынувшие воспоминания также медленно терялись где-то в глубине памяти.

«Да, жаль, что я болен и у меня нет рядом хотя бы одного батальона проверенной старой гвардии», – подумал Наполеон, садясь в коляску, наблюдая смену английских солдат, дежуривших недалеко от его дома.

Когда он устало вошёл в дом, слуга Маршан на подносе протянул ему бокал чая с тёплым молоком и мёдом. Это помогло ему снять или уменьшить боль и спазмы в желудке. Выпив чай, он посмотрел на себя в зеркало. Там отражалось располневшее тело и серого цвета лицо больного человека.

Маршан почтительно доложил, что от английского генерал-губернатора Хадсона Лоу прислано очередное приглашение на обед, и протянул конверт. Наполеон устало, не читая, разорвал его. «Этот примитивный тюремщик так и не

понял, что с такими подлыми людьми, которые высылают моих врачей и каждый день боятся, что я скроюсь с этого гнилого острова, за один стол я никогда не сяду», – произнёс он и зло посмотрел в окно.

Мысли об Англии и своём заточении на острове вновь увлекли его в прошлое. Он почувствовал острую досаду и секундную растерянность. Такое чувство он испытывал лишь однажды, когда выехал из Москвы на санях в Париж. Тогда его преследовала одна мысль: «Зачем? Зачем он пошёл войной против России? Континентальная блокада Англии и без того давала успех, а император Александр I был расположен к дружбе и сотрудничеству. Да, полководцы ведут войны, и войны навязывают полководцам свои решения! Но был же уже тревожный звонок, который его предупредил: война и поражения в Испании. А он этого не понял. Как можно было пойти войной на Россию, имея на западе проблемы с Испанией? Да, победы кружат голову!»

Он помнил лицо немолодого бравого красавца – гвардейца, которого отметил ещё во время своего похода в Египет. На его вопрос, доволен ли тот его наградой, солдат усмехнулся в седые усы и произнёс, покраснев:

– Награды всегда хороши, но они, как женщины, кружат голову, а противник этого только и ждёт.

«Да, прав был этот опытный гренадёр: победы и награды кружат голову. А ещё женщины, о которых он всё реже вспоминал, которые вряд ли понимали и искренне любили его.

Возможно, Жозефина? Как жаль, что она не могла родить ему наследника...»

Наполеон неожиданно вспомнил, как он хотел жениться на сёстрах Александра I. Это был бы сокрушительный удар по врагам в Лондоне. «Наши две империи могли породниться! У меня был бы наследник, а наш союз Франции и России в Европе был бы непобедим и вечен!» – с досадой подумал он.

Император вспомнил встречу в Эрфурте, где собрал лидеров Европы, в том числе и Александра I. К тому времени Наполеон знал, что у русского царя две очаровательные сестры: Екатерина и Анна. Идея «русской партии» ему понравилась после Тильзита. По завершении официальных встреч и дискуссий в Эрфурте Наполеон в разговоре с Александром заявил, что готов заключить брак со старшей сестрой русского императора – Екатериной Павловной. Он помнил, с каким сожалением царь объяснил, что она уже готовится к свадьбе с принцем Георгием Ольденбургским.

При очередной встрече Наполеон признался Александру I, что у него большие симпатии вызывает и его младшая сестра. Но русский император сообщил, что Анне всего 13 лет и она слишком молода для брака. Спустя год Наполеон через своего посла в России Коленкура сообщил царю, что готов подождать до 1810 года, когда Анне Павловне исполнится 15 лет. Но послу Франции было заявлено, что по воле матери, вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, её младшая

дочь выйдет замуж только после 17 лет. Столько лет Наполеон ждать не мог. Его выбор пал на красавицу – австрийскую эрцгерцогиню Марию-Луизу. Но он продолжал сожалеть, что «русская партия» не состоялась: иной была бы его судьба, иной была бы судьба Франции и Европы, и не было бы этого ужасного острова и ненавистных английских тюремщиков...

Его роман с Россией очередной раз не сложился. Он усмехнулся и подумал, что в его связях с Россией была какая-то мистика: во время битвы при Бородино он несколько часов провёл на Таурисе – коне, подаренном ему императором Александром I. Символично, что и в Москву он въезжал на этом красавце – подарке русского царя...

Мысли вновь роились вокруг трагедии в России. Уже вскоре после Бородинского сражения, когда горела Москва, было ясно, что надо срочно выводить Великую армию из этой огромной страны. И он, отдав приказ взорвать Кремль, повелел уходить на запад. Впервые он так почувствовал холод проигранной кампании. В России, с которой он хотел связать свою судьбу, он обнаружил огромную опасность всем его планам. «Поход против России – это была ошибка!» – он сделал этот вывод ещё в Москве, но изменить ситуацию уже не мог. Было поздно.

...Наполеон неожиданно подумал, что уже забыл, когда было в его жизни последнее увлечение или желанное свидание с красивой женщиной. Он посмотрел в зеркало и, увидев

своё бледное лицо, поймал себя на мысли, что самое последнее зловещее свидание ему вскоре ещё предстоит. Свидание со смертью приближается, и он чувствует это.

...Выпитое молоко с чаем вскоре сняло спазм, и слабость медленно завладела всем его телом. Маршан помог ему прилечь и спросил, будет ли император сегодня диктовать мемуары.

Наполеон на секунду задумался и устало произнёс, что мемуары диктовать не будет. Он посмотрел угрюмо на слугу и приказал приготовить бумагу и чернила и никого не пускать к себе.

– Вы мне будете нужны, Маршан. Мне надо будет написать письмо. И ещё, – он сделал паузу. – Мне предстоит сегодня обдумать и составить завещание, – Наполеон на секунду задумался и предупредил: – Но об этом никто не должен знать. Никто! – и посмотрел своим холодным, повелительным взглядом, который Маршан за многие годы хорошо изучил.

27 апреля 1821 года к императору пришёл с докладом генерал Бертран. Закончив доклад о политической ситуации в Европе, он сообщил, что на небе вечером будет видна комета.

Уставший от боли Наполеон задумчиво посмотрел на него и негромко произнёс:

– Перед смертью Юлия Цезаря тоже пролетала комета...

* * *

Наполеон Бонапарт умер в субботу, 5 мая 1821 года, в 17 часов 49 минут. Через четыре месяца ему исполнилось бы 52 года. Последние слова, которые он произнёс в агонии, были: «Армия... авангард... Франция...» Когда веки сомкнулись и сердце перестало биться, Маршан накрыл тело императора старой шинелью любимых Наполеоном гренадёров, в которой он встречал рассвет победы при Маренго в 1800 году.

Похоронили бывшего императора через четыре дня после его смерти на острове Святой Елены, в Долине лилий, недалеко от Лонгвуда, где он прожил в изгнании почти шесть лет. На похороны пришли жители острова, все солдаты и офицеры британского гарнизона. Англичане, когда опускался гроб, отсалютовали из орудий умершему великому французскому полководцу.

Позже, разбирая во Франции архивы Наполеона, в его тетради по географии 1788 года обнаружили короткую запись, сделанную будущим императором: «Sainte Helene, petite île» («Святая Елена – маленький остров»).

* * *

После смерти Наполеона осталась память о его походах

и победах, которые принесли ему славу и осуществили политическую гегемонию Франции в Европе. Штыки французских солдат принесли в Старый Свет слом феодализма и развитие капитализма при помощи Гражданского кодекса Наполеона – выдающегося создания французских юристов. Войны, которые он вёл, забрали сотни тысяч жизней и доставили немало страданий людям. Войны принесли беды и французам, но, несмотря на это, во Франции гордились победами и талантом своего императора Наполеона.

После смерти известных и великих людей вспоминают то, что они оставили после себя: открытия, произведения, семьи и мемуары, вспоминают их завещания, которые могут характеризовать человека и прожитую им жизнь. Знакомство с завещанием Наполеона свидетельствует о его личности и дополняет его портрет военного и государственного деятеля, отца, друга и мужа. Его текст вошёл в историю:

«Сегодня, 15 апреля 1821 года, в Лонгвуде, остров Святой Елены. Это моё завещание, или акт моей последней воли.

I

1. Я умираю в папской и римской религии, в лоне которой родился более пятидесяти лет назад.

2. Я желаю, чтобы пепел мой покоился на берегах Сены, среди французского народа, так любимого мною.

3. Я всегда восхвалял мою дорогую супругу Марию-Луизу;

до последних мгновений я сохранял к ней самые нежные чувства; я прошу её позаботиться о том, чтобы уберечь моего сына от козней, окружающих его в детстве.

4. Я рекомендую моему сыну никогда не забывать, что он рождён французским принцем, никогда не быть инструментом в руках триумфиров, притесняющих народы Европы, никогда не воевать с Францией или вредить ей каким-либо иным способом; он должен принять мой девиз: «Всё для французского народа».

5. Я умираю преждевременно, убитый английской олигархией и её палачом; английский народ не замедлит отомстить за меня.

6. Два столь несчастных исхода вторжения во Францию, когда у неё ещё было столько ресурсов, произошли из-за измены Мармона, Ожеро, Талейрана и Ла Файетта. Я им прощаю; пусть им простит потомство Франции!

7. Я благодарю мою добрую и прекрасную мать, кардинала, моих братьев и сестёр – Жозефа, Люсьена, Жерома, Полину, Каролину, Юлию, Гортензию, Катарину, Эжена за интерес, сохранённый ими ко мне; я прощаю Луи пасквиль, опубликованный им в 1820 году: он полон ложных утверждений и фальсификаций.

8. Я отказываюсь признавать «Манускрипт Святой Елены» и другие произведения под названием «Максимы», «Сентенции» и так далее, публикуемые с таким удовольствием на протяжении шести лет. Не в них нужно искать правила,

направлявшие мою жизнь. Я приказал арестовать и судить герцога Энгиенского, потому что так было необходимо для безопасности, интересов и чести французского народа. Он содержал, по собственному признанию, шестьдесят убийц в Париже. В подобных обстоятельствах я снова поступил бы так же.

II

1. Я завещаю своему сыну коробки, ордена и другие предметы, как серебро, походную кровать, оружие, сёдла, шпоры, чаши из моей часовни, книги, бельё, которыми я пользовался, в соответствии с формуляром «А». Я хочу, чтобы этот небольшой дар был дорог ему как напоминание об отце, который пребывает во вселенной.

2. Я завещаю леди Холланд античную камею, подаренную мне папой Пием VI в Толентино.

3. Я завещаю графу Монтолону два миллиона франков как доказательство моей благодарности за его неустанные заботы в течение шести лет и чтобы вознаградить его за потери, случившиеся во время пребывания на Святой Елене.

4. Я завещаю графу Бертрану пятьсот тысяч франков.

5. Я завещаю Мариану, моему первому лакею, четыреста тысяч франков. Услуги, оказанные им, – это услуги друга. Я хотел бы, чтобы он женился на вдове, сестре или дочери офицера или солдата моей старой гвардии.

6. Я завещаю половину своего личного имущества офице-

рам и солдатам французской армии, оставшимся в живых, тем, кто сражался с 1792 по 1815 год для славы и независимости нации. Распределение произойдёт пропорционально прежнему жалованью. Другую половину я завещаю городам и деревням Эльзаса, Лоррена, Франии-Комте, Бургони, островам Франции, Шампани, Дофине, пострадавшим при первом или втором нашествии. Из этой суммы будет взят один миллион для города Бриенна и миллион для Мери.

7. Я назначаю графа Монтолона, графа Бертрана и Маршана моими душеприказчиками.

Настоящее завещание написано моей собственной рукой, подписано и опечатано моим гербом.

Наполеон

* * *

Просьба императора: «Я хотел бы, чтобы мой прах покоился на берегах Сены среди французского народа, который я так горячо любил!» – была исполнена лишь через много лет. В 1840 году французский король Луи Филипп направил на остров Святой Елены специальную делегацию. После переговоров с Лондоном было решено выполнить предсмертную волю Наполеона быть похороненным во Франции. Останки бывшего императора были эксгумированы и на фрегате «Бель Пуль» доставлены во Францию.

15 декабря 1840 года траурный кортеж проехал по улицам

Парижа, где собрались сотни тысяч людей. Прах Наполеона был захоронен в Доме инвалидов. Но было принято решение о создании специального саркофага для бывшего императора и полководца.

Уже после смерти Наполеон вновь оказался связан с Россией. Французские специалисты из Горной школы, изучавшие возможности различного рода материалов, направили экспедиции и экспертов для поиска красного порфира с целью создания усыпальницы императора. Но ни в Греции, ни в Италии, ни в богатой своими уникальными месторождениями цветного камня Франции, из которых создавались знаменитые дворцы – Версаль, Лувр, Шантийи, Фонтенбло, найти требуемый гранит уникального королевского малиново-красного цвета не смогли. Неожиданно в Париже получили образцы красного камня из России. Он был обнаружен недалеко от Санкт-Петербурга, у никому неизвестной деревни Шокша.

В 1846 году из Парижа в Россию для поиска и добычи уникального камня была направлена миссия во главе с литератором и журналистом Луи Антуаном Лузоном. В Петербурге он обратился за помощью к инженеру, итальянцу Жан-Франсуа Бюатти, долгое время жившему в России. Они вскоре обнаружили удачное место для новой каменоломни вблизи Шокши на Онежском озере. Но чтобы решить многочисленные вопросы добычи, оплаты и доставки, необходимо было повеление верховной власти Российской империи. Руковод-

ству французской миссии удалось попасть на личную аудиенцию у царя. Ознакомившись с проблемами, Николай I дал разрешение на добычу камня и решил все финансовые вопросы, освободив французов от всех налоговых и таможенных расходов. Тем самым он приказал даровать тонны уникального красного камня французскому народу для создания саркофага Наполеону.

6 января 1849 года 29 блоков шокшинского гранита, отправленные из Кронштадта, прибыли в Гавр. Путь этот из России занял более трёх месяцев.

Во Франции специалистов по обработке камня ждали новые технические трудности. Изготовление саркофага требовало новейших методов и технических устройств. Было предложено использовать специальные паровые машины и станки. Впервые в истории для обработки прочного гранита были созданы механические машины мощностью в 60 лошадиных сил.

Два года специалисты резали и соединяли гранитные блоки, изготавливали и занимались шлифовкой уникального саркофага Наполеона. Прах Наполеона в 1853 году был перезахоронен в Доме инвалидов и упокоился в новом саркофаге. Вход в него охраняют две фигуры из бронзы, держащие скипетр, императорскую корону и державу. Саркофаг окружают десять мраморных барельефов (по числу государственных деяний Наполеона) и двенадцать статуй работы Прадье, посвященных его главным военным победам. Рядом с сарко-

фагом хранится посмертная маска императора. Стены усыпальницы украшают многочисленные военные награды полководца и его знаменитая шпага, которая была с ним во время Аустерлицкого сражения. Каждого, бывавшего в Доме инвалидов, поражает красота и величие саркофага, сделанного из уникального русского гранита. Россия и Наполеон вновь встретились, но уже после его смерти – и остались в истории вместе навсегда...

Доброта доктора Гааза

*Доброта – это согласие воли с совестью.
Древнекитайская мудрость*

Одним из самых впечатляющих боёв Аустерлицкого сражения утром 20 ноября 1805 года была конная атака русских кавалергардов. Четвёртым эскадронам в этом жестоком бою командовал гвардейский офицер Николай Репнин-Волконский. Владелец одной из самых известных прославленных фамилий в России мчался на позиции французов. Раздался артиллерийский залп, и тяжело раненный князь без сознания упал на землю. Через несколько часов французские врачи привели в сознание российского пленного офицера.

Его супруга, Варвара Репнина-Волконская (урождённая Разумовская), находившаяся недалеко от Аустерлица, с трудом добилась аудиенции у одного из генералов Наполеона и смогла получить разрешение на нахождение во французском военном лазарете, рядом с раненым мужем.

Когда через несколько недель князь окреп, его лично пригласил Наполеон Бонапарт. Во время встречи французский император передал ему послание для императора Александра I и отпустил князя, разрешив ему отправиться вместе с супругой в Россию.

Возвращаясь на родину, переживший ранение князь и его

заболевшая в пути супруга заехали в Вену для консультаций с местными врачами. В австрийской столице им порекомендовали молодого и талантливого немецкого врача Фридриха Гааза. Осмотрев Репнина-Волконского, он сумел успешно сделать операцию на глазах и дал необходимые консультации и лекарства Варваре. Зрение у Репнина восстановилось, и после лечения улучшилось состояние его жены.

Врач Гааз своими знаниями и умением вызвал симпатию и уважение князя, с которым они были почти ровесниками. Врача щедро отблагодарили и неожиданно пригласили в Россию семейным врачом в дом Репнина-Волконского.

Так в 1806 году в Москве появился немецкий доктор, который своей компетентностью и умением, добротой и вниманием к пациентам вскоре завоевал уважение и славу и уважительно именовался пациентами Фёдором Петровичем.

* * *

Доктор Фридрих Гааз (Friedrich-Joseph Haas) родился 24 августа 1780 года в старинном немецком городке Бад-Мюнстерайфеле в земле Северный Рейн-Вестфалия, недалеко от Кёльна. Его дед получил медицинское образование и работал врачом, а отец, изучив в университете фармацевтику, имел аптечный бизнес. Отец сделал всё возможное, чтобы сын получил медицинское образование и тоже стал продолжателем династии медиков и врачей.

Окончив католическую школу, Фридрих учился в Кёльне. В 17 лет он досрочно окончил университет в Иене, где изучал естественные науки и философию, слушал лекции выдающегося немецкого философа Фридриха Вильгельма Шеллинга. В Венском университете Гааз изучал медицину. В 1805 и 1806 годах он специализировался на изучении офтальмологии у известного европейского специалиста, профессора Адама Шмидта и быстро завоевал признание и известность.

...Однажды Варвара Репнина-Волконская представила доктора Гааза вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, супруге Павла I и матери императора Александра I. В российском обществе она была известна своей благотворительностью и стремилась находить врачей, юристов, меценатов для оказания помощи нуждающимся.

Князь Николай Репнин-Разумовский через год ушёл в отставку в звании генерал-майора. Российский император решил привлечь его для выполнения дипломатических миссий и вскоре отправил посланником вначале в Вестфалию и позже – в Мадрид, ко двору брата Наполеона – Жозефа Бонапарта.

После его отъезда доктор Ф. Гааз получил предложение стать главным врачом московской Павловской больницы. В приказе московского губернатора Д.С. Ланского было сказано:

«По отличному одобрению знания и искусства доктора медицины Гааза как в лечении разных болезней, так и в операциях, Её Императорское Величество (императрица Мария Фёдоровна) находит его достойным быть определён в Павловской больнице над медицинской частью главным доктором... и высочайше соизволяет сделать по сему надлежащее распоряжение, а его, Гааза, заставить вступить в сию должность немедленно... Что же касается до того, что он российского языка не умеет, то он может одного выучить скоро столько, сколько нужно будет по его должности, а между тем с нашими штаб-лекарями он может изъясняться по-латыни...»

Павловская больница была основана в XVIII веке, в 1763 году, в самом начале царствования императрица Екатерины II. Её появлению помог случай. В 1762 году в Москву на коронацию она прибыла с девятилетним наследником Павлом Петровичем (будущим императором Павлом). После торжественной церемонии коронации и приёма он неожиданно тяжело заболел. Несколько дней близкие и родственники молились во имя его выздоровления. Когда цесаревич пошёл на поправку в память о своём исцелении он попросил мать-царицу учредить лечебное заведение в Первопрестольной для неимущих и страждущих. Так была основана Павловская больница (сегодня известная в Москве под № 4).

Вот в неё, ставшую известной во всей России своими вра-

чами и вниманием к неуимушим страдальцам, и был назначен руководителем Фридрих Гааз.

С первых дней немецкий врач стал наводить порядок, добиваться большего внимания к больным. Вскоре больница стала ещё больше славиться лечением, а также своей чистотой и порядком.

В 1808 году доктор Фридрих Гааз был награждён орденом «Крест Святого Владимира 4-й степени» за успехи и бескорыстие в своей медицинской деятельности. Эта награда давала ему право на потомственное дворянство.

Всё в жизни доктора складывалось успешно, однако семейное счастье всё ещё было не устроено. Приближалось 30-летие Фридриха Гааза, а он жил по-прежнему один, отдавая себя полностью лечению и научным исследованиям.

Одним из его достижений стала деятельность по исследованию лечебных и минеральных свойств вод Кавказа. Зная о подобных работах в Австрии и Германии, Фридрих Гааз дважды совершил поездки на Северный Кавказ. Он тщательно описал целебные источники в Минеральных Водах, Пятигорске, Кисловодске и Железноводске. Осознав возможности этих вод для лечения больных и раненых, он обратился к государственным сановникам с предложениями использовать курортные места на юге России. Позже он написал о своих путешествиях на Кавказ и исследовании минеральных вод в своей книге. Его предложения и советы послужили главным импульсом к созданию в середине XIX века в этих ме-

стах лечебных курортов. А источник № 23 в Эссентуках вошёл в историю под названием Гаазовского. Тысячи людей начали приезжать лечиться на Северный Кавказ, используя минеральные воды для восстановления здоровья.

Доктор Гааз приобрёл известность во всей стране. Слухи о чудаковатом немце с русским орденом, его доброте и знаниях превращались в легенды. Плату за своё лечение он брал только с богатых. К нему часто обращались самые известные люди в империи, выписывая внушительные гонорары за лечение.

Его роскошный особняк в те дни находился на Кузнецком Мосту и был известен многим в Москве. Сюда часто приезжали извозчики и посыльные с записками и срочными просьбами приехать и помочь. Имея средства, доктор вложил их в подмосковное имение Тишково, где была построена и успешно работала ткацкая фабрика.

Но в 1812 году в Россию пришла война. В ранние часы 24 июня армия Наполеона по трём понтонным мостам, переброшенным французами через широкий Неман, пересекла границы Российской империи и двинулась вглубь страны. Цель войны для французского императора была ясна: сделать Россию вассалом и подчинить её своим интересам в противостоянии с Британией и осуществлении континентальной блокады.

Вместе с французами на российскую землю пришли швейцарцы, поляки, испанцы, португальцы... В Великой ар-

мии двигались и войска германских королевств, земель и княжеств: баварцы выставили 30 тысяч солдат, Саксония – 22 тысячи гусар и пехотинцев, королевство Вюртемберг – 14 тысяч, Великое княжество Баден направило семь тысяч человек. Пруссия, которая незадолго до войны считалась союзницей русского царя, также направила войска в совместный с Саксонией армейский корпус. Австрия, где учился и имел практику Гааз, отправила против России 32 батальона и 56 эскадронов, что составило свыше 40 тысяч человек.

Но на войну с агрессором выступило и немало немцев, живших тогда в России. Был создан русско-немецкий легион, которым командовал граф Людвиг Георг Вальмоден. Были образованы две пехотные дивизии и два гусарских полка, а также конно-артиллерийская рота...

Доктор Гааз, как и тысячи российских медиков, отправился служить в армию, помогать в борьбе против захватчиков. К тому времени он достаточно свободно говорил по-русски и мог обходиться без переводчика.

Всю военную кампанию до 1814 года Фридрих Гааз находился в действующей армии, выполняя обязанности полкового врача. Когда он вместе с русскими войсками был уже в Париже, пришло сообщение, что его отец тяжело болен. Он едва успел доехать до родного городка и застать последние часы жизни отца. Фридрих Гааз тяжело перенёс его уход. Отец много сделал для его образования и становления. После смерти мужа его мать и родственники уговаривали Фри-

дриха остаться на родине, но он настоял на своём и уехал в Россию. Его ждала новая родина, и он был предан ей до конца.

Вернувшись в 1814 году в Москву, которая восстанавливалась после катастрофического пожара и войны, доктор Гааз более десяти лет успешно трудился главным врачом Павловской больницы и занимался частной практикой. Его авторитет и известность из года в год росли, и в 1825 году правитель Москвы князь Дмитрий Голицын принял решение доверить доктору Гаазу главное аптекарское и медицинское управление города. Иными словами, его назначили главным врачом Первопрестольной. Медицинское управление находилось в то время в храме Успения Пресвятой Богородицы, одной из самых красивых древних московских церквей, которая чудом пережила нашествие Наполеона и пожар, уничтоживший почти весь город (в 1936 году эта церковь была разрушена).

В течение года, пока Фёдор Петрович Гааз был главным врачом Москвы, он сумел добиться ремонта аптекарских складов и настоял, чтобы во всех медицинских учреждениях проводилась тщательная уборка и ежедневно поддерживалась чистота. А чтобы аптекарские склады и больницы не страдали от нашествия мышей и крыс, главный городской доктор приказал завести сотни кошек в этих заведениях, включив их в медицинский штат, и назначить их кормление за казённый счёт.

Все эти нововведения и требовательность доктора Гааза далеко не всем понравились. Воры, лишившиеся возможности опустошать казну, завистники, которым не нравились правила немецкого доктора, разными путями жаловались верховной власти и клеветали на руководителя медицинской службы города. Подобная косность и интриги против него, человека дела и гуманиста, были сильными раздражителями, которые мешали его медицинской, врачебной деятельности. Все претензии и обвинения Гааз смог отстоять в судах и во всех разбирательствах остался победителем, но доктор принял для себя окончательное решение: руководящей работой больше не заниматься. Он вернулся к главному делу своей жизни – врачеванию, лечению и помощи больным.

Но не догадывался в тот период Фёдор Петрович, что пройдут годы и судьба сведёт его с судьбами тысяч людей, оказавшихся за тюремной решёткой, закованных в кандалы и отправленных в Сибирь по этапу...

Ещё император Александр I приступил к проведению тюремной реформы в стране. В 1818 году он одобрил устав тюремного общества, административный комитет которого возглавил министр народного просвещения и духовных дел, князь Александр Голицын. В Москве отделение этого общества открылось лишь через девять лет, в 1827 году, когда московским генерал-губернатором был Дмитрий Голицын.

Тюремной реформе в России предшествовали события, связанные с приездом в страну английского врача и юриста

Джона Говарда. Он прославился реформой пенитенциарной системы в Великобритании. Первый раз этот прогрессивный филантроп и исследователь приехал в Российскую империю в 1781 году. Посетив Санкт-Петербург, Москву и Херсон, он был удручён крайне неудовлетворительными условиями в российских тюрьмах и лечебных заведениях. Через восемь лет, в 1789 году, Джон Говард приехал в Россию с целью изучения условий содержания солдат, системы их наказания за проступки и причин смертности. В Европе в те годы было много пересудов по поводу жестокого обращения с солдатами в российской армии.

Осенью 1789 года англичанин отправился в Херсон. Там вспыхнула эпидемия чумы, и он решил оказать посильную медицинскую помощь. Дж. Говард навещал больных, стремился облегчить их страдания, порой использовал личные средства для покупки лекарств. Он навещал заболевших как в больницах, так и в тюрьмах. В Херсоне Джон Говард заразился чумой и 20 января 1791 года умер. Там же, под Херсоном, по его завещанию, он и был похоронен.

Прошли годы, его записки и обращения были показаны Александру I, и после завершения войны 1812 года император принял решение по проведению реформ тюремных заведений государства.

О Джоне Говарде и его благородной, филантропической деятельности знал и доктор Гааз. Он искренне поддерживал его гуманистические идеи и предложения о реформах

в России. Вот почему, когда его пригласил на встречу московский генерал-губернатор Дмитрий Голицын и предложил стать секретарём московской Тюремной палаты, врач согласился не раздумывая. Духовными делами комитета дал согласие заниматься Митрополит Московский Филарет.

С этого периода начинается новый этап в жизни доктора Гааза – он становится главным тюремным врачом Москвы. Но с первых дней своей деятельности он следит не только за медицинскими условиями тюремных заведений, но и регулярно напоминает властям о необходимости следовать христианским заповедям, призывает к гуманизму и справедливости по отношению к тем, кто оказался на тюремных нарах или в кандалах.

В Москве в начале XIX века действовало пять тюрем, и город был одним из главных центров пересылки заключённых в Сибирь. Одна из них находилась в самом центре Москвы, на Волхонке, где позже был построен потом Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Условия содержания в российских тюрьмах в то время были одни из самых тяжёлых в Европе. Люди в тюремных камерах находились без разделения по тяжести преступлений, возрасту, женщины и мужчины – вместе. Тюремные помещения почти не отапливались, люди месяцами не мылись, кругом царил антисанитария, и у многих арестантов были вши и блохи. Тюремные были реальной угрозой распространения опасных заболеваний по городу и, к примеру, реально угро-

жали эпидемией холеры. Доктор Гааз принял срочное решение перенести пересыльную тюрьму на Волхонке из центра города в другое место.

...В 1817 году на Воробьёвых горах было начато строительство величественного храма Христа Спасителя в честь ознаменования победы над армией Наполеона в Отечественной войне 1812 года. Автором проекта на Воробьёвых горах был архитектор Александр Витберг.

По его замыслу храм должен был парить над Москвой в одной из самых высоких точек города. Воробьёвы горы царь называл «коронай Москвы». Но во время работ участки берега Москва-реки стали разрушаться, и грунт в районе строительства храма стал сильно оседать. Кроме того, архитектора подвела его доверчивость: он поручил определённые работы артелям, которые воспользовались возможностями этого грандиозного строительства и занимались воровством. Сокрушительным ударом для проекта стала и смерть императора Александра I.

Пришедший ему на смену его брат Николай I остановил строительство храма и назначил расследование. Вскоре архитектора Витберга за материальный ущерб во время строительства отправили в ссылку. Строительство было прекращено, а на том месте, где сегодня возвышается здание МГУ, стояли бараки строителей храма. Побывав там, Фёдор Петрович решает обратиться к городским властям с предложением перевести туда тюрьму с Волхонки.

Для понимания, откуда появились сибирская каторга и ссылка, уместно напомнить, что за преступные деяния на Руси в XVI–XVII веках следовали жестокие телесные наказания, такие как истязание кнутом и отрубание рук, которые сопровождались выжиганием клейма на лице. С XVII века наказания стали дополняться ссылкой в Сибирь. При Екатерине II, когда идеи Просвещения пришли и в Россию, суровые телесные наказания стали применяться реже, но количество отправляемых на каторгу увеличилось.

В Москве формировались многие караваны осуждённых, которые затем отправлялись под охраной пешком в Сибирь. Такие процессии двигались по огромной стране от двух и до шести лет, причем срок в пути не учитывался при подсчёте отбываемого наказания и не шёл в зачет. Количество приговариваемых к каторжным работам росло, и, чтобы сократить число солдат-конвоиров, власти приняли решение: идущих в караванах людей закреплять к единому длинному металлическому пруту. Так, скреплённые единым тяжёлым металлическим прутком с кандалами, люди шли по 10–30 человек в одной связке – разного возраста, пола и различной тяжести преступлений. С обеих сторон их сопровождали вооружённые конвоиры. В день такие караваны должны были проходить 15–20 километров. В дождь и стужу, в жару и снег шли они по стране к месту каторги, порой не выдерживая испытаний и умирая по пути в Сибирь.

Доктор Гааз изучил практику отправки на каторгу заклю-

чённых. Его, гуманиста и филантропа, возмутило такое отношение к осуждённым людям, и он обратился в Российский императорский тюремный комитет и к министру внутренних дел. Фёдор Петрович предложил заменить прут хотя бы цепью, чтобы люди могли более свободно себя чувствовать, и заявил о необходимости уменьшения веса кандалов. От тяжёлых, а кандалы весили 16 и 6 килограммов, заключённые сильно страдали, часто оковы стирали у людей кожу и мышцы до костей. Один из влиятельных российских вельмож пошутил, что металл при трении лишь согревает заключённых в движении, на что доктор Гааз порекомендовал ему самому несколько дней поносить кандалы и узнать, как они согревают...

Неоднократно Фёдор Петрович выступал в те годы за отмену кандалов. Но власти отказывались пойти на такие шаги. Тогда доктор Гааз сам неделю проносил ножные кандалы, а потом неделю ручные и в результате хотя и не пробил бюрократической стены, но всё же смог настоять, чтобы их вес значительно уменьшили. Кроме того, именно после его ходатайств и обращений кандалы начали изнутри отделять кожей, чтобы они не наносили ущерба здоровью. Новые облегчённые кандалы каторжан вскоре были названы гаазовскими, и тысячи людей в России с благодарностью вспоминали доктора.

После открытия пересыльной тюрьмы на Воробьёвых горах главному тюремному врачу Москвы удалось создать там

и тюремную больницу на 120 коек. Он лично обходил всех находящихся в ней пациентов, назначая им лекарства и процедуры. Доктор Гааз добился, чтобы и в мужском, и женском отделениях регулярно дежурили сиделки, чего до него не было в тюремных медицинских заведениях России.

Фёдор Петрович ежедневно работал по 10–12 часов и вынужден был переехать со временем на Воробьёвы горы, в здание больницы, где занимал две небольшие комнаты.

Он всё больше и больше уделял внимания помощи и благотворительности. Свой богатый дом в центре Москвы, усадьбу и фабрику, коллекцию картин доктор Гааз продал, использовав немало своих средств на поддержку каторжан и заключённых, а также на благотворительные цели по ремонту и строительству тюремных зданий.

Единственным, что он хранил из прежней своей жизни преуспевающего доктора, были копия картины Рафаэля «Мадонна», распятие, коллекция шкатулок и старый телескоп. Когда он возвращался поздно ночью в свою комнату, то, чтобы отвлечься и отдохнуть, мог часами наблюдать за звёздами с Воробьёвых гор.

Высокую сутулую фигуру в сюртуке с орденом на лацкане знала в те годы вся Москва. Одни горожане считали его чудачком, другие (и их было большинство) называли доктора святым и относились к нему с большим почтением.

Особым уважением он пользовался у заключённых и отправленных по этапу. От тюрьмы к тюрьме, от этапа к этапу

передавались слухи и легенды о помощи и лечении замечательного доктора.

Однажды зимним вечером Фёдор Петрович спешил к очередному пациенту по одной из московских улиц. Зимой он носил внушительную тёплую шубу. Неожиданно перед ним выросли фигуры грабителей, которые потребовали, чтобы он снял и отдал им дорогую шубу. Доктор объяснил, что спешит к больному, но, когда освободится, он сможет отдать её, и назвал себя. Услышав имя доктора Гааза, бандиты бросились на колени, прося прощения, и проводили его до места, где жил больной пациент.

Одной из тюрем, которой врач уделял в то время много внимания, был Московский тюремный замок, позже названный Бутырской тюрьмой. Построенный в 70-е годы XVIII века, этот тюремный комплекс требовал ремонта. В нём отсутствовала канализация, зловонье и грязь поражали каждого, кто оказывался внутри и рядом с его стенами. В тюрьме был небольшой православный храм, который вмещал далеко не всех, и заключённые не всегда могли помолиться и исповедаться.

Все эти проблемы доктор Гааз поставил перед тюремным комитетом Москвы. Совместно с митрополитом Филаретом они добились, чтобы рядом с тюремной церковью были построены специальные комнаты, откуда заключённые могли наблюдать и слушать проповеди. По настоянию Фёдора Петровича в Бутырской тюрьме были открыты столярная, са-

пожная и переплётная мастерские. Во дворах тюремного комплекса были посажены тополя, для очищения воздуха. На всей территории были проведены необходимые дренажные работы, чтобы удалялась вода и грязь, и перед тюрьмой, и в её внутреннем пространстве были выложены мостовые.

Во время одного из своих визитов в Москву в Бутырскую тюрьму заехал император Николай I. Знакомясь с тюремным комплексом, кто-то из «доброжелателей» Гааза сообщил царю, что некоторые заключённые симулируют болезни, а доктор им потворствует. Император начал выговаривать свои замечания. Услышав строгий тон и царское недовольство, доктор Гааз неожиданно упал перед ним на колени. Император, довольный произведённым эффектом от своих слов, покровительственно произнёс: «Ну полно, полно, Фёдор Петрович, я вас прощаю...» На что доктор Гааз, к его изумлению, заявил: «Не за себя прошу, за этих пожилых заключённых. Они слишком стары, чтобы отбывать наказание. Помилуйте этих стариков и отпустите их». Император был растроган этими словами известного врача и приказал помиловать нескольких убелённых сединами узников.

Рядом с Бутырской тюрьмой Фёдор Петрович сумел организовать приют для детей, чьи родители оказались в тюрьме, и смог решить эту проблему с городскими властями, чтобы рядом в доме сдавались дешёвые квартиры для жен заключённых и действовала начальная школа.

Заботился Фёдор Петрович и о том, чтобы группы аре-

стантов, выходящие на этап, проходя по Москве, могли где-то проститься с родственниками, отдохнуть и иметь какую-то еду. Ему удалось договориться с лесопромышленником Рахмановым и известным московским булочником Филипповым, чья булочная на Тверской была известна всей Москве. В районе нынешней площади Рогожской заставы в Таганском районе Москвы был построен дворик для встречи уходящих на этап каторжан и их родственников. Филиппов снабжал заключённых особыми калачами, которые пекли на соломе, из хорошего теста, и они долго не черствели. Сам доктор Гааз часто выходил на этап вместе с каторжанами и сопровождал их по Владимирскому тракту порой до района нынешней Балашихи.

Доктор Гааз говорил, что медицина – царица наук, считая, что её цель – изучение и забота о человеке. Он писал в своих работах, что здоровье человека должно быть главной задачей врача. В то же время знания доктора, положение врача должны вызывать доверие у пациентов и почтительность.

...Однажды в полицейскую больницу на Воробьёвых горах вместе с партией сирот солдатских сыновей и воспитанников приютов из Литвы попал больной мальчик. Фёдор Петрович вылечил его, мальчика крестили и дали ему имя Николай. Доктор Гааз помог ему закончить школу, и он успешно поступил на медицинский факультет Московского императорского университета. Николай Агапиевич Норшин стал хорошим врачом и одним из учеников доктора Гааза.

Работая в Рязани, он часто писал Фёдору Петровичу, советуясь и обмениваясь медицинскими знаниями, случаями из практики и методами лечения. В одном из писем ученику доктор Гааз написал: «Самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми. Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не бояться труда, помогая им советом и делом, — словом, любить».

Встречаясь с молодыми коллегами, отвечая на их вопросы, Гааз не раз говорил, что основой профессиональной деятельности врача он считает неразрывную связь понятий долга, совести и христианского человеколюбия, и жил под девизом: «Спешите делать добро!»

Доктор Гааз умер 14 августа 1854 года. Когда его хоронили, на траурную процессию для прощания со «святым» доктором вышли 20 тысяч человек, и это из 170 тысяч тогдашних жителей Москвы. Похоронили Фёдора Петровича на Немецком кладбище (ныне Введенское). Там стоит памятник с крестом. Вскоре в ограде вокруг его могилы появились металлические кандалы в знак признательности тюремному врачу, который заботился о том, чтобы облегчить участь каторжан, и так много сделал для этого.

...Шли годы, но память об удивительном и добром московском докторе Гаазе, его правилах для врача продолжали жить в российском обществе и передавались из поколения в поколение.

Образ великого гуманиста оставил след и в русской литературе, вдохновив великих писателей. В третьей части своего романа «Идиот» Фёдор Михайлович Достоевский, через 20 лет после кончины доктора, так опишет его: «В Москве жил один старик, один “генерал”, то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьёвых горах её посетит “старичок-генерал”. Он делал своё дело в высшей степени серьёзно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных... останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал... звал всех “голубчиками”. Давал деньги, присылал необходимые вещи, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного... Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Дошло до того, что его знали по всей России...»

В 1894 году Антон Павлович Чехов опубликовал «Рассказ старшего садовника». Повествуя о своём герое, писатель смог передать ему черты и человеческие качества доктора Гааза: «Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал, и, странное дело, когда у него умирал пациент, то он шёл вместе с родственниками за гробом и плакал». Чехов не раз вспоминал «святого доктора» во время своего путешествия через всю Россию на остров Сахалин, где он много раз общался с каторжанами и заклю-

чёнными, которые и через много лет после смерти Фёдора Петровича Гааза помнили о нём и передавали предания и рассказы о его благодеяниях и христианском отношении к простым людям и даже закоренелым преступникам...

В Малом Казённом переулке на деньги москвичей в 1909 году был поставлен памятник у бывшей Полицейской больницы, позже переименованной в Александровскую. Сегодня это НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков. И на нём написаны слова, с которыми всю жизнь жил и работал великий доктор: «Спешите делать добро!»

Дело врача не забыто и сегодня – его именем названа московская улица, учреждены премии Гааза.

В наши дни, когда современная медицина вооружена различными уникальными приборами диагностики и лечения, императив доктора Ф.П. Гааза остаётся актуальным. И сегодня помимо сверхсложных электронных устройств и методов для успешной победы над болезнями необходимы человеческие качества врача, главное из них – любовь к людям, такая, какая была у доктора Гааза, приехавшего из Германии и нашедшего в России свою вторую Родину.

Полковник Российской армии и генерал США

*В судьбе нет случайностей: человек скорее создаёт, нежели встречает свою судьбу.
Лев Толстой*

*Раб, довольный своим положением, вдвойне раб,
потому что не одно тело его в рабстве, но и душа
его.
Эдмунд Бёрк, английский политик, парламентарий,
публицист*

История российской эмиграции содержит в своих хрониках немало имён выдающихся и великих учёных, инженеров, композиторов, писателей. Но есть среди них одно имя, которое редко упоминается журналистами, о котором нечасто вспоминают исследователи, – это единственный в истории России и США военный, служивший успешно двум государствам, имевший звание российского полковника, и единственный русский, ставший генералом американской армии.

Иван Турчанинов, или, как его называли в Америке – Джон Бэзил Турчин, оставил свой след в истории России и США, а для потомков – немало свидетельств, загадок и тайн.

Родился Иван Васильевич Турчанинов в семье отставного русского офицера, донского дворянина 5 января 1822 года в

станции Константиновская области Войска Донского.

К тому времени его род был уже известен своей службой государству российскому Дед, Пётр Турчанинов, активно участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов. В результате победы в ней Россия получила выход к Чёрному морю, был разгромлен флот Османской империи, подписан Кючук-Кайнарджийский договор, после чего в 1783 году Крымское ханство со всеми владениями прекратило своё существование и официально вошло в состав Российской империи.

За свою храбрость и находчивость в боевых действиях Пётр Турчанинов был отмечен главнокомандующим русской армии генерал-фельдмаршалом Петром Александровичем Румянцевым. По его ходатайству храброму казаку было присвоено офицерское звание и направлено прошение императрице Екатерине II о даровании Турчанинову дворянского звания. С этого времени и берёт свое начало дворянский род Турчаниновых, известность и слава о котором вошла в историю России. К примеру, брат отца, Павел Петрович Турчанинов, который сражался в войне 1812 года с Наполеоном, был отмечен наградами и закончил службу в звании генерал-лейтенанта, оставив свой след в военной хронике тех лет. Но отец, Василий Петрович (возможно, из-за ранения), рано прервал воинскую службу, имея высокое звание войскового старшины, ушёл в отставку и поселился в г. Новочеркасске.

Продолжая традицию рода, Ивана Турчанинова с детства готовили к воинской службе. Когда ему исполнилось десять лет, в 1832 году он поступил на обучение в Первый кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Через три года его перевели в войсковую классическую гимназию в Новочеркасске, после окончания которой Турчанинов поступил в прославленное Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге (в 1855 году получило статус академии).

Вскоре после окончания училища молодой офицер смог применить полученные военные знания. Первым испытанием для него стали события в Австро-Венгерской империи 1848–1849 годов. Император Фердинанд своей пассивной политикой упустил ситуацию в стране. Население Венгрии было недоволено правлением Вены, и Будапешт попытался выйти из состава единой империи. Положение Габсбургской монархии стремительно ухудшалась. Из Вены прибыл командующий венгерскими войсками, австрийский ставленник, фельдмаршал, граф Франц фон Лумберг. Это вызвало бурные протесты венгерского населения. 28 сентября 1848 года новый командующий был убит экстремистами. Австрийское правительство, потеряв надежду усмирить восставших, обратилось за срочной помощью к российскому императору. Царь Николай I направил в Австро-Венгрию российскую армию под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, которая в 1849 году спасла монархию от развала. Одним из участников этой военной операции был

молодой офицер-артиллерист Иван Турчанинов, на которого обратили внимание во время этой кампании и после возвращения на родину рекомендовали в Николаевскую академию Генерального штаба.

Окончив с серебряной медалью Академию Генштаба в 1852 году и получив звание майора, Иван Васильевич Турчанинов был назначен в свиту цесаревича Александра, будущего императора, который командовал гвардией царя Николая I.

В годы учёбы и жизни в Санкт-Петербурге офицер внимательно присматривался к тем порядкам, которые установлены в государстве, много читал, изучая помимо военного дела историю, философские произведения. Общаясь в узком круге, он участвовал в дискуссиях и спорах о проблемах России, самодержавного правления, крепостного права... В этих условиях формировалось мировоззрение и взгляды Ивана Турчанинова. А в стенах академии офицера готовили к баталиям и защите интересов огромного государства. Ситуация к тому времени складывалась для российских интересов непросто. В середине XIX века у границ России была беспокойная военно-политическая ситуация.

В 1853 году страна вела войну с Турцией, которая регулярно поставляла вооружение и припасы отрядам Шамиля и поддерживала антирусские силы и настроения на Кавказе и в Крыму. 10 ноября 1853 года русская эскадра кораблей разбила в турецком Синопе хорошо вооружённую эскад-

ру Осман-паши. В Турции, Франции и Великобритании была поставлена задача общими усилиями не допустить усиления влияния России на Чёрном море и в регионе Кавказа и Балкан. В начале сентября 1854 года стало известно, что к крымским берегам направляется огромная военно-морская эскадра. Около 90 современных – почти все на паровой тяге – военных кораблей франко-турецко-британской коалиции шли курсом на Севастополь, где находилась русская Черноморская эскадра из 20 вымпелов, из которых только шесть были с паровыми двигателями, остальные ходили под парусами.

В России не исключали нападения на государство и с западного фланга. Майор Турчанинов получил срочный приказ во главе отряда казаков обследовать фортификационные возможности северо-западных границ России в районе Финского залива, побережье у Нарвы и Кронштадта, выявить возможные районы, где существовала угроза высадки вражеского англо-французского десанта. В Генштабе не исключали возможности высадки вражеских десантов и вблизи столицы. Проведя успешно обследование, майор Иван Турчанинов вернулся с планами и предложениями о возведении необходимых береговых укреплений и позиций для береговых батарей. Оперативное проведение инспекций и принятые своевременные меры произвели впечатление на командование и императора Николая I. Молодой офицер досрочно получил звание полковника и был назначен начальни-

ком штаба гвардейского корпуса в Петербургском крепостном районе.

Оставаться на удобной должности в Санкт-Петербурге, когда на юге России разгорался пожар войны, было не в характере Турчанинова. Он стал первым из офицеров Генерального штаба, кто написал рапорт о направлении на Крымскую войну. Вскоре полковник Турчанинов получил назначение командовать 3-й полевой батареей на 4-м бастионе. Эта батарея была составлена из десяти морских орудий, которые сняли с затопленных в гавани Севастополя русских кораблей.

Войны, как известно, – индикаторы достижений и недостатков любого государства. Уже первые дни на боевых позициях показали Ивану Турчанинову остроту проблем Российской армии. Не скрывая, о них говорили и солдаты, и матросы, и офицеры в окопах и редутах. О проблемах России писали и говорили оппозиционеры и самый известный из них – А.И. Герцен, который жил в это время в Лондоне.

Вскоре после прибытия в Севастополь в личном деле полковника И. Турчанинова появилась запись: «Увлекается идеями утопического социализма в герценовском изложении».

Войска коалиции, окружившие Севастополь, достигали 170 тысяч человек. 5 октября 1854 года началась первая бомбардировка города. В ней участвовали более чем 1300 орудий объединенной военно-морской эскадры и 120 пушек со стороны суши. У русской армии количество артиллерии со-

ставляло 268 орудий.

Несмотря на превосходство в артиллерии у союзников, они не сумели смять оборону защитников. Коалиция перешла к осаде Севастополя, которая длилась 11 месяцев.

На четвертом редуте, где были установлены орудия батареи, во время осады Севастополя бывал и подпоручик, граф Лев Николаевич Толстой. Появлялись там и врачи медицинского отряда, в который вошли 43 американских добровольца, прибывшие из США. История не сохранила писем или свидетельств знакомства Толстого и Турчанинова, но сегодня очевидно, что взгляды двух патриотов на ситуацию в России во многом совпадали. И многие последующие их поступки и произведения стали подтверждением этого.

После упорных кровопролитных боёв и потери Малахова кургана участь города была решена. 27 мая 1855 года генерал М.Д. Горчаков отдал приказ отойти войскам по мосту в южную часть. Бои за северную часть Севастополя завершились, и подразделения защитников воссоединились с войсками Меншикова.

Но коалиция так и не дождалась капитуляции России. 349 дней длилась оборона Севастополя. Союзники потеряли в Крымской войне 72 тысячи человек, русская армия – свыше 100 тысяч.

Солдаты и офицеры русской армии тяжело пережили сдачу Севастополя. Поражение в Крымской войне стало демонстрацией кризиса царского самодержавия, которое не смогло

отстоять интересы России и вызвало в российском обществе разочарование и новую волну антимонархических настроений. Но оборона Севастополя стала победой русского духа и таланта. Она вписала в историю имена адмиралов В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова, военного инженера Э.И. Тотлебена, хирурга Н.И. Пирогова...

Вскоре после отхода из Севастополя полковник Иван Турчанинов был отозван с южного направления и срочно отправлен в Польшу на должность начальника штаба корпуса.

Но и там ему не давала покоя Крымская война, заставляла анализировать и делать выводы. Человек образованный, хорошо изучивший военное дело, он понимал, что страна изначально была не готова к этой войне. К примеру, в России не была проведена военно-организационная работа, в армии и флоте не хватало современного оружия и кораблей. Основным стрелковым оружием в русской армии были гладкоствольные ружья образца 1845 года. Они уступали по дальности стрельбы французскому штуцеру (нарезное оружие) и английской нарезной винтовке. Доля нарезного оружия в русской армии в Крыму не превышала пяти процентов от числа всего вооружения. В российском генштабе эту ситуацию объясняли тем, что император и генералитет опасались, что основной удар коалиции по России мог последовать через Пруссию, Австрию и Польшу, и снабдили подразделения русской армии, размещённые на западных рубежах, нарезным оружием.

У офицера вызвал недоумение ещё и тот факт, что в армии до 1853 года отпускалось всего десять патронов в год на боевую подготовку солдат. Научиться метко стрелять, имея такие ограничения, было невозможно.

Подвергая критике российскую монархию, он сравнивал развитие России и Европы. Логика анализа привела его к выводу, что самодержавие и монархия, отсутствие конституции и политических партий были серьёзными преградами в экономическом развитии государства и общества, а соответственно, влияли на обороноспособность. Именно они и привели к поражению в Крымской войне. Всё чаще в его рассуждениях встречается слово «республика». Турчанинов становится поборником республиканского государственного строя.

Начав службу в Польше, он познакомился с дочерью своего сослуживца – полковника А. Львова. Её звали Надежда, была она молода и образованна, изучала медицину и имела общие с ним взгляды. А ещё ей нравилось, как Иван играл на скрипке, с которой офицер не расставался с юных лет. 10 мая 1856 года они поженились в польском Кракове.

Когда Крымская война завершалась, в Россию приехала специальная американская военная миссия. Её возглавлял хорошо образованный капитан Джордж Б. Маккиллен. Задачей миссии было подробное ознакомление с военно-техническими достижениями воюющих держав, тем, какие новинки и стратегические решения использовались противниками

в войне.

Делегация посетила российские воинские части, в том числе гвардейский корпус в Польше, где служил полковник И. Турчанинов.

Знание иностранных языков позволило ему познакомиться с главой американской миссии. Встречи и беседы двух военных породили большой интерес русского офицера к событиям и развитию государства и общества в далёкой Америке.

К тому времени в среде казаков Дона, откуда происходил полковник, начали появляться оппозиционные настроения, что вызвало повышенное внимание агентов и жандармов. Высказывания Турчанинова о том, что казаки в русской армии чувствуют себя «пасынками», его республиканские взгляды, увлечение статьями Герцена заставили Третье отделение корпуса жандармов, возглавляемое графом Бенкендорфом, внимательно следить за деятельностью и перепиской полковника, держать его под пристальным надзором.

Дальнейшие события в жизни полковника Турчанинова не имеют достоверных документальных подтверждений в архивах. По одним данным, он, взяв отпуск, с женой выехал на лечение в Мариенбад, по другим – полковник был вызван в Генштаб, где ему поручили отправиться в Европу и секретно изучить темпы и данные о перевооружении европейских армий. Но точно известно, что вскоре после отъезда из России Иван Турчанинов прибыл в Лондон, где встретился с Александром Герценом. После беседы и обмена информа-

цией, когда он рассказал писателю об обороне Севастополя, проблемах России, о своём неприятии крепостного права и самодержавия, Турчанинов неожиданно сообщил, что принял решение об отъезде в Америку. На предложение Герцена остаться в Европе офицер ответил: «Тут везде монархия, а мне нужна республика». Писатель усмехнулся и неожиданно произнёс: «Скучная страна Америка!»

А. Герцен признался, что и сам когда-то хотел уехать за океан, но после долгих раздумий и информации из САСШ, как тогда было принято писать аббревиатуру, которая означала Северо-Американские Соединенные Штаты, разочаровался в этом пристанище для рабовладельцев, европейских авантюристов и проходимцев. Но республиканца и сторонника социальной справедливости, полковника царской армии эти слова писателя не убедили. Чета Турчаниновых через несколько дней отправилась в Америку.

Вскоре во время своей поездки за границу в гостях у Герцена в Лондоне побывал и Лев Николаевич Толстой. Вновь пересекались судьбы русских патриотов, стремящихся к лучшему пониманию мира и думающих о будущем их родины.

После прибытия в САСШ Иван Турчанинов и его жена вскоре приобрели ферму на Лонг-Айленде, вблизи Нью-Йорка. Почти год они, не имея никакого опыта в сельском хозяйстве, много работали и надеялись на успех, но неурожай и экономические проблемы в стране заставили их вскоре продать ферму.

По совету их знакомого Джорджа Маккиллена, с которым семья продолжала поддерживать отношения, они переехали в Филадельфию, где Иван Васильевич поступил учиться в инженерное училище. Надежда также решила обучаться в одном из двух медицинских училищ страны. С этого периода Иван и Надежда после регистрации в суде получили американское гражданство, взяли себе новые имена и фамилии для лучшей адаптации в американское общество и стали: Джон Бэзил Турчин и Надин Турчин.

После окончания учёбы в 1859 году семья Турчиных уехала в небольшой городок Маттун, в Штате Иллинойс, который был основан всего за три года до их приезда, но уже стремительно превращался в важный железнодорожный узел Америки.

Иван Васильевич устроился на работу инженером-топографом на Иллинойскую центральную железную дорогу. Жена нашла работу медсестры там же в небольшом госпитале.

В тот период Турчины пытаются найти себя в условиях незнакомой и молодой страны. Они тщательно всматривались в жизнь, которая их окружала, изучая порядки и условия, с которыми они сталкивались. Но, чем больше росло понимание, тем сильнее их постигало разочарование, о котором Иван Васильевич написал откровенно в Лондон Александру Герцену: *«Назад тому почти что три года – это было, если не ошибаюсь, вначале июня, когда только что кончилась Крымская война и Его Величество изволили соби-*

раться короноваться, – к Вам явился в Лондоне гвардейского генерального штаба полковник Турчанинов, это был я...

Я тогда сказал Вам, что еду в Соединённые Штаты, и помню Ваше замечание: “Скучная страна Америка!”... Признаться, я отчасти усомнился в Ваших словах, мои заокеанские грёзы были гораздо выше и чище пошлой действительности».

Далее Турчанинов суммировал свои впечатления от пребывания в Америке:

«Эта республика – рай для богатых, они здесь истинно независимы; самые страшные преступления и самые чёрные происки окупаются деньгами. Smart man (по-нашему – «ловкач и пройдоха») здесь великое слово: от миллионера до носильщика, от сенатора до целовальника, от делателя фальшивых ассигнаций до денного разбойника – smartness резко проведена. Будь человек величайший негодяй, в каком бы то ни было классе сословия, если он не попал на виселицу и ловкач, он-то и почтенный; за ним все ухаживают, его мнение первое во всём; его суждениям и приговору верят более, чем Библии: он вертит кругом, в котором сам вертится. Итог подобных ловкачей-пройдох в государстве составляет управляющий класс во всех делах; остальная масса – управляемые. Ловкач-капиталист – американский принц, которого почтенность не может быть так же атакована, как

почтенность русского царя; первого особа так же неприкосновенна и священна, как особа второго; один раздавит всякого врага жандармами и солдатами, другой – долларами и подчинёнными ему разбойниками».

Иван Васильевич завершает свой вердикт:

«Разочарование моё полное; я не вижу действительной свободы здесь ни на волос...

...Что касается до меня лично, то я за одно благодарю Америку: она помогла мне убить наповал барские предрассудки и низвела меня на степень обыкновенного смертного, никакой труд для меня не страшен».

Турчанинов обращается в письме к А. Герцену с просьбой, чтобы он прочитал и сообщил своё мнение о прозе его жены. Надежда закончила повесть на французском языке и очень хотела, чтобы известный писатель прочитал её. Она также написала Герцену своё письмо. В нём она отметила черты жизни в Америке, которые особенно поразили её. В частности, Надежда упомянула о женщинах из «американского высшего света»:

«Иван Васильевич писал вам о том, что мы нашли в Америке; прибавлю со своей стороны несколько слов о предметах; преимущественно для меня интересных. Американская

женщина, принадлежащая к высшей respectability, – тщеславнейшее, надменнейшее и пустое создание. Наряды, чванство, желание блеснуть, сыграть роль принцессы, леди – идеал её жизни; нигде роскошь туалета не доведена до такого бессмысленного излишества; нигде так открыто нагло не кланяются деньгам; тут даже нет наружного приличия в этом отношении: на улице и в лавке, в церкви и в бальной зале вы услышите на разные лады высказываемое одно и то же, а именно, что деньги делают человека и что без денег человек дрянь, не стоящая уваженья».

Судьба повести Надежды Турчаниновой неизвестна, но замечания в письме Герцену вошли в историю и представляют до сих пор интерес исследователей и писателей.

Вскоре семья решила переехать в Чикаго, где Джон Турчин был назначен руководителем технического отдела железнодорожной компании.

В этот период он начал активно сотрудничать с местными газетами, серьёзно интересовался политической деятельностью. Вступив в Республиканскую партию, Турчин решил поддерживать борьбу, разворачивавшуюся против рабовладения в Америке.

Там же в главном управлении железной дороги Иллинойса – «Иллинойс Централ» в эти годы работал юристом адвокат Авраам Линкольн, который стал одним из основателей Республиканской партии. Выросший в семье бедного фер-

мера, первым получивший образование в семье, он успешно сдал все необходимые экзамены и получил лицензию на адвокатскую практику. Ещё до работы в железнодорожной компании Линкольн был известен как общественный деятель, выступавший за преобразования в Америке.

Но познакомились Турчин и будущий американский президент не в управлении железной дороги, где оба трудились, а при чрезвычайных обстоятельствах в начале 1860 года в городе Спрингфилде, вдалеке от Чикаго.

Находясь там по делам, Турчин прочитал случайно в местной газете «Спрингфилд-Ньюс», что конгрессмен Авраам Линкольн будет выступать перед жителями города. Он представлял в то время штат Иллинойс в Конгрессе САСШ. Как признанный борец против рабовладения, парламентарий вызывал ненависть и раздражение у приверженцев рабства в стране.

По всей Америке в те дни шли дискуссии и жаркие споры о возможном запрете рабовладения и вероятности вооружённого противостояния Севера и Юга.

На встречу с политиком Джон Турчин приехал со своим бывшим (во время воинской службы) адъютантом, ставшим его помощником и в Америке, донским казаком Александром Нагаевым.

После выступления Линкольна перед собравшимися о необходимости отмены рабства в зале началась потасовка, переросшая в драку. Сидевшие недалеко от Линкольна Тур-

чин и Нагаев успели вместе с другими горожанами защитить политика и через разбитое окно помогли выбраться в безопасное место. После этой встречи Линкольн знал, что среди его единомышленников в партии есть мощный русский, бывший опытный офицер, который смог защитить его от толпы сторонников рабовладения.

О своей поддержке Республиканской партии и Линкольна, выступавшего против бесправия чёрных рабов, Иван Васильевич в тот период писал статьи в американских газетах. В том, что Авраам Линкольн победил на президентских выборах в 1860 году, став первым президентом, избранным от Республиканской партии, и 16-м в истории страны, есть и небольшая заслуга Джона Турчина.

Но основная борьба была ещё впереди. Южные штаты, где процветало рабовладение, не собирались ничего менять и уступать свои позиции. Чтобы представить себе положение рабов в Америке XIX века, полезно привести несколько свидетельств, взятых из документальных хроник тех лет, для лучшего понимания уровня жестокости и несправедливости в отношении миллионов людей, привезённых в Америку в рабство. Негр Соломон Нортап, который проработал рабом в Луизиане 12 лет, в 1845 году так описал свою жизнь:

«Сезон сбора хлопка наступает в конце августа. В это время каждому рабу даётся мешок, к мешку привязывается ремень, который надевается на шею... Когда нового рабо-

чего посылают в первый раз на плантацию, его подгоняют и заставляют собирать хлопок в этот день так быстро, как он может. Вечером его сбор взвешивают, и в дальнейшем он должен приносить тот же вес каждый вечер. Если когда-нибудь вес окажется меньше, то это считается доказательством лени раба, и его наказывают хлыстом. Рабочие обязаны быть на плантации с рассвета, и за исключением 10–15 минут, когда они могут проглотить свой паёк холодного бекона, им не разрешают быть без дела ни одной минуты...»

О положении детей-рабов на фабриках Филадельфии в 1830 году одна из американских газет, «Меканикс фри Пресс», писала:

«...Всеми известен тот факт, что большинство подручных на хлопкообрабатывающих фабриках состоит из мальчиков и девочек от 6 до 17 лет. Они работают от зари до ночи...»

В 1861 году была принята конституция Южной Конфедерации. В ней, в частности, говорится:

Раздел 2

– 1- Граждане каждого штата пользуются всеми привилегиями и неприкосновенностью граждан остальных шта-

тов и имеют право временно оставаться в любом штате этой Конфедерации со своими рабами и иной собственностью, и их право на владение указанными рабами не может быть нарушено...

– 3- Раб или другое лицо, состоящее на службе или в рабстве в любом штате или территории Конфедерации согласно их законам, бежавший или незаконно перевезённый в другой штат, в соответствии с любым законом или указом, действующим в нём, не может быть отпущен с такой службы или работы, но должен быть возвращён по требованию стороны, которой такой раб принадлежит, или лица, на которого он должен работать».

Принятие конституции Конфедерации окончательно законодательно закрепило рабство и стало вызовом для цивилизованного общества в Америке, послужило расколу страны на две части, одна из которых, Север, стремилась к развитию капитализма и свободных рыночных отношений, а вторая, Юг, хотела сохранить рабовладение и радикальные порядки. Существовать в мире две части государства со столь различными идеологиями развития страны и общества долго не могли.

Но не только рабовладение разъединяло две части государства. Рабство было в тот период и на Севере. Первой английской колонией, которая легализовала рабство в Америке, была северная колония Массачусетс. Но оно исчезло в

северных регионах страны в силу экономических причин, развития капитализма и изменения общественной морали. За дискуссиями о морали и гуманизме в те годы скрывались экономические интересы крупных промышленников и банкиров. И хотя на Севере жило 22 миллиона человек против 9,1 миллиона на Юге, быстро растущей экономике страны требовались миллионы свободных рабочих рук. На Севере располагались почти все промышленные предприятия страны, более 70 процентов железных дорог и 81 процент банковских депозитов. Сверхприбыли требовали сверхэксплуатации не только чёрных рабов, но и белых формально свободных немцев, поляков, ирландцев, шведов, китайцев... Америка уже тогда занимала четвёртое место в мире по объёмам промышленного производства и продолжала рваться вперёд.

Юг в отличие от Севера развивался консервативно, не спеша, по своим законам с легализованным рабовладением. Бесправный и беззащитный раб своей работой на плантациях, позволяющей получать прибыль и обогащаться плантаторам и фермерам, – это был главный экономический базис развития экономики на юге страны. После победы Линкольна на президентских выборах, которая не была принята многими на Юге, стало ясно, что война между Севером и Югом неизбежна. Северная буржуазия и старая рабовладельческая элита столкнулись в своих глобальных интересах и взглядах на развитие экономики и будущего страны.

4 марта 1861 года избранный президент принёс присягу. Не прошло и месяца, как ранним утром 12 апреля форт Самтер, в бухте крупного порта Чарльстон на побережье Атлантического океана, в штате Южная Каролина, был обстрелян войсками конфедератов, сторонников Юга.

Немногим более чем через сутки форт был захвачен южанами. У президента Линкольна не оставалось выбора – Америка вступила в Гражданскую войну между Севером и Югом. Главнокомандующим армией Севера был назначен генерал Дж. Б. Макклеллан, старый знакомый Турчина.

Республиканец по своим взглядам и противник рабовладения и порядков на Юге, Джон Турчин не колеблясь принял решение пойти добровольцем служить в армию северян. Всего штат Иллинойс отправил служить в армию Севера свыше 200 тысяч человек, из которых было сформировано всего около 150 полков.

С самого начала военных действий Джон Турчин предложил свои услуги военного командира, имеющего боевой опыт. В июне 1861 года в штате Иллинойс шла комплектация двух полков добровольцев.

Командиры подразделений выбирались голосованием. На назначение командиром 19-го Иллинойского полка были предложены две кандидатуры – Джона Турчина, в прошлом полковника русской армии, имеющего боевой опыт, и американского армейского капитана Улисса Гранта. На выборах победил Джон Турчин, который 22 июня 1861 года был на-

значен в звании американского полковника командиром 19-го Иллинойского добровольческого пехотного полка. В этот полк пошли служить добровольцами фермеры, рабочие железной дороги, шахтёры... Многие из них были жителями Чикаго и его окрестностей. Улисс Гранту присвоили также звание полковника, и он был выбран командиром 21-го Иллинойского добровольческого полка. Пройдут годы, и он станет 18-м президентом США...

Три месяца русский полковник долгими часами занимался обучением добровольцев и отработкой у них боевых навыков, умения стрельбы, организации атак и обороны. Его жена Надин также записалась добровольцем в полк и выполняла функции врача и медсестры, став одной из первых в Америке сестёр милосердия.

Но первые испытания выпали на долю полка не в сражениях, а во время железнодорожной катастрофы, в которую попал эшелон с солдатами во время передислокации к Вашингтону. В сентябре 1861 года вагоны второго эшелона его полка сошли с рельсов и упали в реку Потомак в штате Индиана. Турчин, находившийся с солдатами в первом эшелоне, срочно отправился на помощь, спасая десятки людей, вытаскивая раненых из вагонов. Рядом была Надин, которая занималась перевязкой спасённых раненых. Позже в американских газетах написали, как оперативно была организована помощь солдатам из полка Турчина, и отмечали мужество полковника и его жены.

Когда полк оказался в лагере под Вашингтоном, в нём побывал генерал Дон Карлос Бьюэлл и отметил высокую подготовку и дисциплину солдат и офицеров, но сообщил командованию, что жена полковника Турчина незаконно находится на территории воинского подразделения.

В апреле 1862 года армия северян начала генеральное наступление. Полк находился в авангарде в районе Северной Алабамы. В те дни его солдаты заняли город Афины, взяв в плен сотни солдат-южан и большое количество подвижного состава местной железной дороги.

Полковник Турчин разместился со своим штабом в 20 милях от Афин. 30 апреля 1862 года пришло сообщение, что в освобождённом городе началась стрельба. Он направил туда кавалерийский дивизион под командованием Александра Нагаева, который вскоре сообщил, что на солдат-северян напали умело скрывавшиеся в подвалах и постройках города вооружённые южане. Они убили десятки солдат полка и добивают раненых.

Подняв свой полк по тревоге, Джон Турчин с боем вновь захватил Афины. Как позже было объявлено, материальные потери горожан составили свыше 55 тысяч долларов, сумма по тем временам немалая.

Плантаторам Юга Турчин отказался выдавать просивших у него защиты негров-рабов. Святое право частной собственности было нарушено, а это в Америке уже тогда было серьёзным преступлением.

Вскоре полковника Турчина по приказу командования отстранили от командования и назначили расследование по событиям в Афинах.

Особую активность в обвинениях Турчина проявил генерал Дон Карлос Бьюэлл, который когда-то хвалил дисциплину и выучку полка.

Будучи примиренцем и противником жёсткой линии в отношении Юга, он к противнику рабства и порядков рабовладельцев отнёсся предвзято и необъективно. После расследования и предварительных разбирательств военный суд вынес решение об увольнении полковника Турчина из армии.

В июле 1862 года Джон и Надин вернулись в Чикаго, где их тепло встретили горожане. Эта вынужденная пауза не стала потерей времени для профессионального военного. В те дни Джон Турчин успевал заниматься написанием пособий по подготовке и координации войск во время боевых действий, описанием тактики обмена сигналами и разработкой системы обучения новобранцев. Например, его книга «Обучение бригады» была признана командованием Севера лучшим учебником по тактике полевой войны. Его предложения и рекомендации повлияли в дальнейшем на разработку уставных норм для американской армии и после Гражданской войны.

...Жена, однополчане, представители общественности не смирились с решением военного суда. Было решено, что Надин вместе с представителями штата поедет в Вашингтон и

будет добиваться встречи с президентом Линкольном.

Президент без проволочек принял её в Вашингтоне и, получив прошение общественности Чикаго и генералов Севера с просьбой восстановить Дж. Турчина в армии, оперативно принял решение. 17 июля 1862 года он подписал указ, произведя полковника Турчина в бригадные генералы армии Севера и поручил ему командование новой бригадой. Генерал Дон Карлос Бьюэлл, главный обвинитель на суде, был отстранён от должности и покинул армию. Так состоялось возвращение Дж. Турчина на военную службу и его победный путь в войне.

Президент также восстановил Надин Турчин в должности сестры милосердия и, хотя женщинам и запрещалось находиться в боевых частях, в виде исключения разрешил ей быть в одном из подразделений её мужа. Надежда Антоновна Турчанинова стала первой в истории США сестрой милосердия, оказывавшей медицинскую помощь на поле боя.

В американской печати немало писалось о смелости и умении русской медсестры. О ней ходили легенды даже среди солдат. В армии вспоминали, что однажды, во время стремительного наступления в Алабаме в 1862 году, она, увидев, что наступление северян захлебнулось, взяла ружьё и сама повела солдат-северян 19-го Иллинойского полка в атаку на противника...

Опыт и знания генерала Дж. Турчина не раз помогли армии Севера осуществлять прорывы и вести успешные на-

ступательные операции. К примеру, он впервые использовал передовую и эффективную тактику стремительных ударов вдоль железных дорог, по ключевым объектам и железнодорожным узлам и мостам. Для этих целей он использовал железнодорожные платформы, на которых размещал артиллерийские орудия. Такие бронепоезда, стремительно прорываясь в авангарде и обстреливая позиции противника, позволяли в короткий срок захватывать укрепления противника, освобождать от армии южан города.

В одном из боёв кавалерийская бригада армии Юга, успешного генерала Бедфорда Форреста, попыталась захватить один из таких бронепоездов генерала Турчина. В ходе сражения, потеряв почти треть бригады, южане вынуждены были отступить. Сам Б. Форрест после Гражданской войны не раз вспоминал этот бой. Этот генерал-южанин войдёт в историю тем, что, оставшись сторонником рабовладения и реакционером, позже возглавит расистскую организацию ку-клукс-клан, выступая против равенства белых и чёрных в Америке.

А бронепоезда продолжают активно использовать в боевой практике в различных странах мира вплоть до окончания Второй мировой войны. Но сегодня мало кто помнит, что создал их русский полковник и генерал американской армии Севера.

Особенно большой успех бригада генерала Дж. Турчина добилась в битвах при Чаттануге по захвату стратегически

важного Миссионерского хребта. 19–20 сентября 1863 года армия северян под командованием генерала Роузкранса, которая действовала на западном театре боевых действий, потерпела тяжёлое поражение от южан-конфедератов в битве при Чикамоге. Отступая, они были блокированы в районе Чаттануга (штат Теннесси). Нависла угроза голода и плена. В окружении оказалась и бригада Дж. Турчина. Генерал после детального изучения обстановки приказал прорываться с боем к своим. Тренировки и обучение солдат не прошли даром: все солдаты знали, как вести себя в этой критической ситуации. Атака северян была столь решительной и скоординированной, что они смогли успешно вырваться из окружения, взяв в плен ещё и 300 южан и несколько пушек. В исторические хроники Гражданской войны она вошла как «Турчинская атака в тылу врага».

Но война есть война, и в этой атаке погиб Александр Смирнов, русский доброволец, который специально приехал сражаться солдатом на стороне северян под командованием Турчина.

В историю Гражданской войны в США бригада генерала Турчина вошла своими успехами в боях по захвату стратегически важного Миссионерского хребта. Президент Линкольн принял срочные меры, чтобы деблокировать всю армию северян в районе Чаттануга. С восточного направления было переброшено 20 тысяч опытных солдат и офицеров для помощи осаждённым. Общее командование возглавил гене-

рал Улисс Грант. Кровавопролитное сражение началось 24 ноября 1863 года. На третий день битвы бригада генерала Джона Турчина начала мощную атаку на позиции конфедератов на Миссионерском хребте, с которого южане вели артиллерийский огонь. Генерал в числе первых ворвался на вершину хребта, и враг был выбит с узловых позиций.

В Америке в те месяцы Россию много раз вспоминали не только в связи с героизмом генерала Джона Турчина, но и восхищённо обсуждалась весть о пришедших в Америку российских военно-морских эскадрах. Россия в Гражданской войне поддержала Север и президента Линкольна. 24 сентября 1863 года эскадра российских кораблей под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского вошла в порт Нью-Йорка. 27 сентября на рейд Сан-Франциско встала Тихоокеанская эскадра из России под командованием контр-адмирала А.А. Попова. Не имея своего военно-морского флота, Север получил важную поддержку на море.

Впервые в истории по Бродвею прошли строем русские моряки. В американской прессе появились сообщения, что контр-адмирал Лесовский имеет запечатанный пакет, который он будет обязан вскрыть в случае вмешательства одной из европейских держав в гражданский конфликт на стороне рабовладельческого Юга.

Трудно представить чувство гордости тех русских, которые принимали участие в боевых действиях Гражданской войны.

Российское государство не забыло о помощи своего союзника в Крымской войне и заняло позицию Севера. В свою очередь Юг поддерживался Британией и Францией – стратегическими врагами России. Генерал Дж. Турчин был горд и рад, что его родина оказала помощь президенту Линкольну в кровавом гражданском конфликте.

В феврале 1864 года начался знаменитый «рейд к морю» армии северян генерала Уильяма Шермана, во время которого произошла важная битва за крупнейший военно-промышленный центр Юга Атланту.

Бригада генерала Турчина приняла активное участие и в этой битве. 25 февраля его солдаты попали под сильный артиллерийский огонь, который вели южане со стратегически важной позиции на холме. Турчин приказал провести стремительный штурм этой позиции, которая была вскоре захвачена. Бригада потеряла всего 10 человек убитыми и около 80 ранеными. После этой битвы генерала Дж. Турчина в армии северян стали величать «Русская гроза» (Russian Thunderstorm).

При осаде Петербурга генерал вновь применил тактику мобильного бронепоезда. Дж. Турчин приказал установить на железнодорожные платформы мощные 13-дюймовые орудия, которые наносили по укреплениям врага сокрушающие удары 100-килограммовыми снарядами.

В жаркие дни июня 1864 года бригада с боями успешно двигалась к Атлантическому океану. Но неожиданно про-

изошло непоправимое: когда оставалось всего два десятка километров до побережья, Джон Турчин потерял сознание. Его не ранило пулей или осколком снаряда, ему не нанесли удар шашкой или саблей. Случилось то, чего меньше всего ожидает воин на поле боя. Человека могучего физическое здоровья и силы неожиданно поразили... тяжёлый солнечный удар. Жара и суровые военные условия сыграли роковую роль. Острый сердечный приступ и перегрев головного мозга сильно сказались на здоровье боевого генерала. Мнение врачей было единодушным: Дж. Турчин должен прекратить службу, и ему срочно необходимы лечение и отдых. Вскоре кровопролитная Гражданская война в США завершилась победой Севера.

Закончив службу, Иван Турчанинов, полковник русской армии и генерал американской, написал прошение на имя русского императора Александра II, в котором испрашивал августейшего разрешения царя вернуться на Родину.

Фамилия полковника Дж. Турчина упоминалась в письме русского посла в САСШ Эдуарда Стекля. Канцлер Российской империи А.М. Горчаков, готовя документы императору Александру II о службе в американской армии генерала Ивана Васильевича Турчанинова, в прошении императору написал свою резолюцию: «Имевший счастье служить императору России и отрёкшийся добровольно от этого счастья недостойн милости Вашего Величества». Император Александр II, с которым полковник Турчанинов был знаком, когда тот

ещё был цесаревичем, написал резолюцию на его обращении рядом с резолюцией канцлера: «Согласен с Вами».

В офицерской среде в России причина отказа была объяснена тем, что полковник И.В. Турчанинов превысил сроки непрерывного пребывания за границей, нарушил воинскую присягу, традицию казаков служить Родине, поступив без высочайшего разрешения на иностранную военную службу. По указу правительственного Сената полковник И.В. Турчанинов «исторгнут из звания и прав подданного Российской империи, не имеет дозволения в Отечество возвращаться». Тем самым его признали дезертиром и предателем.

Конечно, воинские традиции и дисциплина – это необходимые для безопасности государства правила. Но как известно, нет правил без исключений. Император России послал две морские эскадры, чтобы представлять интересы России за океаном и поддерживать своих союзников на Севере САСШ. Но в армии союзника служил российский офицер, который был отмечен генеральским званием в Америке, который внёс значительный вклад в победу над южанами-конфедератами, которых поддерживали враги Российской империи. Своей деятельностью и воинской службой он внёс вклад в укрепление российско-американских отношений. Генерал Джон Турчин своими военными успехами прославил русскую военную школу и умение в Америке. Он и его жена явились для многих воплощением русского духа и русской культуры, которая для многих американцев ста-

ла неожиданностью и важным в те годы фактором для понимания России. И, конечно, они могли рассчитывать на снисхождение и понимание их случая императором и его приближёнными...

Сегодня трудно понять, чем точно руководствовались в Санкт-Петербурге при вынесении такого вердикта. Не исключено, что в России стали известны его антимоноархические заявления, связи с польскими оппозиционерами и знакомство с Герценом.

После военных будней Турчин вернулся к мирной жизни в Чикаго. Он пытался издавать военно-публицистический ежемесячник «Военные прогулки» (Military Rambles).

После недолгого отдыха и лечения он вновь приступил к работе инженером на Иллинойской центральной железной дороге. Помимо работы Джон Турчин продолжал писать и осмысливать американскую политику и действительность, свой военный опыт.

Оказывая помощь польским эмигрантам, приехавшим в Америку после Польского восстания 1863 года, отставной герой Гражданской войны встретился с руководством штата Иллинойс и смог выхлопотать землю для поселения 500 польских семей. Это город стал называться Радом (Radom), в память об одноимённом городке в Польше. Поселение создавалось примерно в 350 километрах от Чикаго. Усилиями Турчина недалеко от него были построены железнодорожная станция, школа и костёл. В тот период у отставного генера-

ла возникла идея создать из польских иммигрантов трудовую коммуну, своего рода общественно-трудовое объединение жителей поселения. Но эти социалистические идеи не нашли поддержки среди иммигрировавших поляков. Основная масса людей жила мыслью обретения богатства и построения своего бизнеса в Америке. К отставному генералу Турчину в польском поселении относились двойственно: в нём видели уважаемого и влиятельного благодетеля, но многие считали его городским чудаком.

Турчины жили скромно и с трудом нашли деньги для покупки небольшой фермы вблизи Радома. Ситуация усугублялась тем, что болезнь не проходила и всё чаще напоминала о себе отставному офицеру. Не имея возможности много работать, Иван Васильевич всё же пытался писать и опубликовал книги: «Опыт и впечатления Гражданской войны», «Битва у Миссионерского хребта», «Сражение Федерации во время Гражданской войны в Соединенных Штатах в 1861–1865 годах». В них он честно давал оценки и писал правду о реальных событиях минувшей войны. Возможно, не все в Америке были заинтересованы в такой правдивой и честной оценке Гражданской войны: его книги не имели большого успеха у читателей и плохо продавались.

Они жили всё беднее. Для Турчина наступили тяжёлые времена. Иногда он выходил к реке и, сидя на берегу, тихо напевал слова песен своей молодости:

*Под ракитою зелёной
Русский раненый лежал,
Ко груди, штыком пронзённой,
Крест свой медный прижимал.
Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой!
Ты добычи не дождёшься,
Я солдат ещё живой!*

Бывший офицер часто вспоминал боевые будни в Севастополе и дни осады, когда его батарея отражала атаки врага, и слова казацкой песни:

*В Севастополе бывал,
В чистом поле, в ратном бое,
Каждый день и каждый час,
В чистом поле в ратном бое,
Каждый день и каждый час...
Море Чёрное шумит,
В кораблях огонь горит.
Огонь тушим, турок душим.
Слава донским казакам!
Огонь тушим, турок душим.
Слава донским казакам!*

Пытаясь хоть как-то решить финансовые проблемы, он однажды опрометчиво заключил сделку, в результате которой потерял ферму, которая вскоре была продана с тор-

гов. Но даже купивший её американец не решился выселить из дома героя Гражданской войны. Иван Васильевич за несколько месяцев с трудом смог построить небольшой дом рядом с фермой, куда и переехал с Надин и со своими нехитрыми пожитками.

Снова бедность и лишения пришли в их дом. Когда было нечего есть, Турчин брал старую скрипку и шёл играть на одну из главных улиц Радома или ехал в соседние посёлки.

О бедствиях семьи бывшего генерала американской армии узнали и в Вашингтоне. И хотя в Америке тех лет федеральной пенсионной системы не существовало, Конгресс США вынес решение выплачивать генералу Джону Турчину ежегодно 50 долларов специальной пенсии.

К тому времени возраст, а ему было за 70 лет, не давал возможности работать. Состояние бывшего генерала быстро ухудшалось. Надин обратила внимание, что у мужа появились проблемы с психикой и памятью. Так, однажды он сжёг свои записи и библиотеку, которую собирал многие годы.

В начале июня 1901 года его отправили в тяжёлом состоянии в госпиталь. 17 июня Иван Васильевич Турчанинов умер в госпитале города Энн (Иллинойс), за много тысяч километров от России, которую часто вспоминал перед смертью. Ему было 79 лет. Похоронили генерала Дж. Турчина за счёт государства на кладбище павших в Гражданской войне в Маунд-Сити, недалеко от впадения реки Огайо в Миссисипи. Проститься с ним приехали сослуживцы, представители

общественности и правительства США.

Через три года, в 1904 году, в возрасте 78 лет скончалась его верная помощница и любимая жена Надежда Турчанинова.

Они лежат вместе, вдали от России, под одним скромным высоким гранитным памятником, на котором по-английски выгравировано: «Джон Б. Турчин, бригадный генерал американских волонтёров. 24 декабря 1822 года – 18 июня 1901 года. Надин А., его жена, 26 ноября 1826 года – 17 июля 1904 года.

5351 5325».

Смерть в Баденвайлере

1 мая 1904 года известный русский писатель Антон Павлович Чехов выехал из Крыма в Москву. Врачи и жена настаивали на необходимости срочного лечения и консультаций в Москве и в Берлине.

В курьерском поезде в вагоне пассажиров было немного. Писатель не встретил знакомых и, задумавшись, с грустью смотрел в окно. У него было двойственное чувство от предстоящей поездки: как врач, он понимал правоту своих коллег, что ему срочно необходимо лечение и консультации известных врачей за границей.

Последние месяцы одышка и сильный кашель с каплями крови изматывали писателя и днём, и ночью. К этим проблемам весной прибавилась боль в желудке. Он надеялся на лечение и смену климата, на спокойный, позитивный режим, но хорошо сознавал, что здоровье уходит и сил остается мало.

Чехов всё чаще в своем доме в Ялте ощущал одиночество и необходимость в человеческом тепле и приятных для него знакомых лицах. Он соскучился по Москве, где его ждали жена Ольга Леонардовна – актриса Художественного театра, приятные люди и московская атмосфера встреч, дискуссий, споров и новостей, в которой его болезнь затихала и он чувствовал себя лучше...

Антон Павлович вспомнил, как 17 января, в его день рождения (по старому стилю. – *Прим, автора*), состоялась премьера «Вишнёвого сада», а позже его попросили выйти на сцену и поздравляли с 25-летием творчества, отчего он чувствовал неловкость и, устав, при первом удобном случае уехал из Художественного театра.

Стук колёс скорого поезда обычно успокаивал Антона Павловича. Но тревога и волнения не проходили. Он сознавал, что болезнь на этот раз взялась за него серьёзно, и неизвестно, вернётся ли он вновь сюда, в Крым, и сможет ли ещё реализовать план, который задумал в начале весны. С самого начала Русско-японской войны он внимательно следил за событиями и вырезал наиболее интересные сообщения. С этого момента он каждый день следил за событиями на Дальнем Востоке. Победных реляций от командования не приходило. Война затягивалась, повергая российское общество в тревогу и рождая всё чаще тревожные слухи.

В 1890 году Чехов побывал на Дальнем Востоке, на Сахалине, острове каторжников. Он многое узнал о жизни в этих далёких краях. Во время встреч и бесед с военными и гражданскими чиновниками писатель ни разу не слышал, что Япония превращается в угрозу российским интересам. Проехав всю Россию за 81 день, он сумел увидеть масштабы могущественной империи. Но увидел он и то, как много ещё предстоит сделать в этом огромном государстве и для народа, чтобы люди жили лучше.

Покидая Сахалин, писатель планировал возвращение через Азию морем, где одной из первых остановок была Япония. Но когда он оказался на борту парохода «Петербург», выяснилось, что на судне побывали больные холерой, от которой умирали тысячи людей, и на флагштоке был поднят жёлтый карантинный флаг, означавший, что заходить данное судно сможет только в разрешённые порты. Капитан сообщил, что «Петербургу» разрешили сделать остановки только в Гонконге, Сингапуре, Коломбо и Порт-Саиде.

В письме писателю и издателю Алексею Сергеевичу Суворину он написал: «Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелёными глазами холера, которая устроила мне ловушку Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, на Луне – всюду холера, везде карантин и страх...» Знакомство с Японией и изучение Азии пришлось тогда отложить. И вот известие: Япония, о которой было принято говорить, что это отсталое азиатское государство, напала на могущественную Российскую империю. Шли месяцы, война продолжалась, и тревога за войска и флот росла, а информация не приносила ясности и надежд на победу.

Поезд мчался, и Антон Павлович обдумывал, что, если он сможет поправиться, то обязательно уедет в конце лета в действующую армию врачом. В письме публицисту и критику А.В. Амфитеатрову он уже признался: «Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом».

Колёса стучали, постепенно успокаивая и убаюкивая, писатель задремал с приятной мыслью, что вскоре он окажется в московской атмосфере, рядом с женой и друзьями...

Но приехав в Москву, Чехов вынужден был отменить многие встречи: кашель, одышка и поднявшаяся температура вновь уложили его в постель. За ним ухаживала жена Ольга, которая готовила их поездку в Германию. Консультации с известными московскими профессорами привели к тому, что они настаивали на срочном лечении и встречах с профессорами в Берлине. Было принято решение побывать на курорте в Баденвайлере, в Шварцвальде, на юге Германии, у границы со Швейцарией и Францией.

Накануне их отъезда к Антону Павловичу заезжал писатель Н.Д. Телешов, который позже вспоминал: «Хотя я был подготовлен к тому, что увижу, но то, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом – до того был худ, изнурён и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться. А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит: “...Прощайте. Еду умирать... Поклонитесь от меня товарищам... пожелайте им от меня счастья и успехов. Больше уже мы не встретимся”».

Но даже в том состоянии, несмотря на болезнь и подготовку к отъезду, Чехов пытался работать и помогать людям. В те дни в Крыму и Москве рассказывали историю, как к нему в Ялте пришёл учитель из Мухалатки. Он с горечью поведал известному писателю, что школу, где работает, хотят закрыть из-за нехватки средств. Антон Павлович собрал все деньги в доме, около 500 рублей, и передал их учителю. По тем временам это была немалая сумма.

3 июня, за несколько часов до отъезда на вокзал, писатель отправил письмо редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву с просьбой помочь его знакомому дьякону перевести его сына, студента Юрьевского университета (Эстония), в Московский: «Милый Виктор Александрович, как раз перед отъездом я получил прилагаемое письмо. Это пишет дьякон Любимов, учитель нескольких городских училищ, очень хороший, превосходный человек. Нельзя ли сделать что-нибудь? Подумай, голубчик. Дьякон беден, а теперь приходится посылать в Дерпт сыну».

Перед отъездом в Берлин он ещё успеваает отправить из Москвы партию книг для библиотеки его родного Таганрога...

3 июня 1904 года Антон Павлович и Ольга Леонардовна выехали на скором поезде в Берлин.

Возможно, смена обстановки, общение и беседы с женой, новые впечатления в дороге положительно повлияли на улучшение состояния здоровья писателя.

Когда прибыли в Берлин и разместились в гостинице, по просьбе Антона Павловича они вскоре поехали в местный зоологический сад.

7 июня Чехова принял известный немецкий профессор Эвальд, специалист по внутренним заболеваниям. Осмотрев писателя, он развёл руки и, молча повернувшись к выходной двери, решил попрощаться и уйти. Он не понял, зачем надо было везти и мучить тяжелобольного, обречённого человека за тысячи километров в Берлин. Неловкость момента смог преодолеть сам Антон Павлович и продолжил с ним беседу, уже не имевшую отношения к его состоянию.

Активную помощь писателю и его жене оказал в Берлине Г.Б. Йоллос, корреспондент газеты «Русские ведомости» в Германии. Писатель с большой благодарностью позже написал о нём редактору этой газеты В.М. Соболевскому: «Это превосходный человек, в высшей степени интересный, любезный и бесконечно обязательный».

Антон Павлович отправил из Берлина несколько писем, в том числе 8 июня 1904 года своей сестре, Марии Чеховой. Оно интересно тем, что, несмотря на болезнь, Чехов продолжал подмечать в окружающих такие детали жизни, которые ему могли бы пригодиться в его творчестве: «Милая Маша, мы сегодня уезжаем из Берлина на своё длительное местопребывание, на границу Швейцарии, где, вероятно, будет и очень скучно, и очень жарко. Мой адрес: Германия, Badenweiler Herrn Anton Tschchow.

Так мою фамилию печатают здесь на моих книжках, стало быть, и я так должен писать её. В Берлине немножко холодно, но хорошо. Самое нехорошее здесь, резко бросающееся в глаза, – это костюмы местных дам. Страшная безвкусица, нигде не одеваются так мерзко, с совершенным отсутствием вкуса. Не видел ни одной красивой и ни одной, которая не была бы обшита какой-нибудь нелепой тесьмой. Теперь я понимаю, почему московским немцам так туго прививается вкус. Зато здесь, в Берлине, живут очень удобно, едят вкусно, берут за всё недорого, лошади сытые, собаки, которые здесь запрягаются в тележки, тоже сытые, на улицах чистота, порядок.

Здесь проездом Екатерина Павловна (жена М. Горького), у неё дети заболели корью, она в отчаянии. Вчера виделся с ней.

Ноги у меня уже не болят... катаюсь по Берлину; только вот беда: одышка...

...Живите и, если можно, не хандрите. Крепко жму руку и целую.

Твой А.».

Вскоре состояние короткой ремиссии у Чехова сменилось резким ухудшением самочувствия. Он вновь стал задыхаться и ощущал слабость. Журналист Иоллос в своей статье о здоровье писателя перед его отъездом написал: «В Берлине ему было трудно подняться на маленькую лестницу Потсдамского вокзала; несколько минут он сидел обессиленный

и тяжело дышал».

Проехав 600 километров на юго-запад Германии, до окрестностей Фрайбурга, они приехали в Баденвайлер. Перед их глазами предстал утопающий в зелени небольшой ухоженный курортный городок Шварцвальда. С древности это место было известно своими термальными источниками, которые оценили ещё римские легионеры. Город известен своим уникальным микроклиматом, который обеспечивали высокие холмы, на ближайшем из которых находились величественные руины древней крепости Баден.

Поселились в напоминавшем дворец отеле «Ремербаден». Несмотря на усталость после дороги, Чехов чувствовал себя лучше и смог с супругой гулять по аллеям уютного парка. Писатель пытался заниматься творчеством и сообщил жене, что у него родился план: если будет себя хорошо чувствовать, они смогут съездить ещё и в Италию и после отдыха там смогут вернуться в Крым через Константинополь на пароходе.

Но оптимизм первых дней вскоре сменился очередным ухудшением состояния и грустью. Через неделю Чехов настоял на переезде в другой отель. Они решили поселиться в небольшом уютном отеле, на окраине парка у пруда «Вилле Фредерика». Но и там писатель через два дня заговорил о поиске нового, более уютного номера. Ольге Леонардовне понравилась гостиница «Зоммер» на главной улице городка, где на третьем этаже ей предложили удобную светлую ком-

нату с балконом.

Сидя на этом балконе, Чехов с интересом наблюдал за проходившими по улице людьми.

В комнате стояли две кровати, стол, кресло и рядом с выходом на балкон диван, на котором часто сидела Ольга Леонардовна и они могли вести беседы. Рядом находилась почта, которая и до сих пор существует в Баденвайлере. Туда каждый день спешили местные обыватели и приезжие отдыхающие, за которыми с интересом наблюдал писатель.

Там же, на почте, жена покупала свежие немецкие газеты и, вернувшись, тщательно переводила вслух статьи, которые интересовали писателя, особенно сообщения с фронтов Русско-японской войны.

Благодатный климат Шварцвальда, сосны и секвойи, сухой целебный воздух вначале улучшили самочувствие писателя. Лечением Антона Павловича занимался в Баденвайлере опытный доктор Шверер. Вскоре врач с удовлетворением отметил положительную динамику состояния здоровья у пациента. Но воспалительные процессы в кишечнике и лёгких продолжались. 27 июня (по старому стилю) болезнь нанесла неожиданный удар – у Чехова начался тяжёлый сердечный приступ. Шверер и его ассистент Винтер, оперативно действуя, впрыснули больному камфору и дали для приёма наперстянку. Им удалось купировать приступ. Но на следующий день он повторился, причём в более тяжёлой форме.

Ольга Леонардовна, устав от бессонницы, тяжело пере-

живала ухудшение состояния мужа. Она и сама чувствовала недомогание: врачи сообщили ей, что у неё поднимается температура.

После повторного приступа, проведя ночь, сидя в кровати, чтобы легче было откашливаться и дышать, утром Антон Павлович попросил написать письмо журналисту Иоллосу в Берлин. Отвечая на вопрос жены, он уставшим голосом, стараясь улыбнуться, объяснил: «Надо, чтобы он связался с Мендельсоном (владельцем банка, где был счёт у Чехова). Необходимо, чтобы на твоё имя выслали деньги... на всякий случай».

Как врач, Чехов сознавал, что ему остались считанные часы. Тяжёлая усталость охватила его. Словно запоминая, он смотрел в те часы на жену, врачей, на этот симпатичный курортный городок с прекрасным парком и древними развалинами...

По инерции он продолжал придумывать сюжеты рассказов и даже неожиданно задумал написать пьесу с необычным, почти фантастическим сюжетом. Об одном из сюжетов он рассказал Ольге Леонардовне: на модный курорт приехали богатые банкиры, краснощёкие американцы и англичане. Все они, проведя день в экскурсиях, прогулках, путешествиях на лошадях, вернулись довольные собой в отель, предвкушая сытный ужин. А повар ресторана отеля неожиданно сбежал, оставив всех без любимой еды... Они посмеялись над этим сюжетом, не подозревая, что это были их последние ве-

сѣлые минуты, когда они были вместе.

Через несколько часов, ночью 2 июля, Чехову стало плохо. Он едва мог дышать. Послали за врачом. Состояние быстро ухудшалось. Вскоре он впал в забытѣе и начал бредить:

– Матрос уехал?

– Какой матрос?

– Матрос, уехал он?..

Когда Антон Павлович пришѣл в себя, пожаловался на жѣсткую постель...

Ольга Леонардовна положила на грудь мужа лёд. Чехов открыл глаза и с грустной улыбкой произнёс: «На пустое сердце лёд не кладут...»

Пришедший в два часа ночи доктор Шверер с трудом нащупал пульс у больного. Чехов спросил его по-немецки:

– Смерть?

Пытаясь вернуть надежду, тот энергично ответил: «О, нет, нет...»

Врач послал находившегося в комнате русского студента срочно принести баллон с кислородом. Услышав это, Чехов произнёс устало: «Не надо, коллега. Пока принесут кислород, я уже умру!»

Шверер понимал, что Чехов, будучи врачом, оценивает лучше других своё состояние. Доктор попросил принести шампанское и протянул бокал умирающему коллеге. Писатель, взяв бокал, с грустью сказал: «Давно я не пил шампанского...»

Чехов выпил и, повернувшись к жене, негромко произнёс по-русски: «Я умираю...»

И увидев вопросительный взгляд Шверера, сказал по-немецки:

– Ich sterbe.

Чехов повернулся на левый бок, и через несколько секунд его сердце остановилось.

Неожиданно, как позже вспоминала О.Л. Книппер-Чехова, скорбную тишину нарушила вихрем крыльев прилетевшая в комнату на свет большая чёрная бабочка, которая начала биться об электрические лампочки...

Через несколько часов журналисты мировых информационных агентств и газет сообщили, что в немецком Баденвайлере на 45-м году жизни умер великий русский писатель А.П. Чехов.

Православной церкви в городке не было. Отпевали Чехова в небольшой католической часовне Мариенкапелле, которая размещается на въезде в Баденвайлер.

Из Германии вагон с прахом писателя был отправлен в столицу, в Петербург, где его... не ждали. Несмотря на несколько телеграмм Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, на вокзал проститься с великим писателем пришли несколько репортёров и около ста человек, в основном случайной публики.

Амфитеатров написал о разочаровании российской интеллигенции поведением петербургской общественности:

«А мы-то, мы-то ждали, как покроется трауром петербургский Капитолий, и печаль столицы подтвердит вновь русскому интеллигентному обществу, что она культурный центр его, и плач на Неве разольётся по всем русским рекам, давая им свой тон и силу...»

Многим было стыдно за литераторов и интеллигенцию Северной Пальмиры: они не смогли достойно проводить в последний путь писателя, которым так восхищались.

Из Петербурга гроб с телом Чехова был доставлен в Москву, где многотысячная толпа почитателей его творчества ждала прощания с ним. Как позже вспоминал М. Горький, на вагоне-холодильнике, в котором свой последний путь проделал великий русский писатель, было крупно выведено краской: «Для устриц». Вместе с устрицами и рыбой там находились два гроба. Во втором было доставлено тело погибшего в Маньчжурии генерала Келлера...

Но и Москва, хотя и с печалью ждавшая из последней поездки великого писателя, продемонстрировала соблюдение законов чеховских сюжетов в реальной жизни.

После прибытия на Николаевский (Ленинградский) вокзал вагона, в котором перевозили и замороженных креветок, не спеша вынесли гроб, и толпа встречавших подхватила его и с цветами и венками пошла за ним, желая отдать последнюю дань любимому писателю. Многие шли, вытирая слёзы, но удивляясь, что их сопровождает музыка военного оркестра. Только через несколько минут выяснилось, что произо-

шла ошибка и все они отдавали последние почести погибшему генералу, а около гроба Антона Павловича Чехова, который вынесли следом, стояло всего несколько десятков человек, многие из которых были в военной форме. Недоразумение выяснилось. Поменявшись местами, две процессии двинулись в разных направлениях.

Гроб Чехова, сопровождаемый огромной толпой и полицией, через всю Москву пронесли к Новодевичьему монастырю, где в 1904 году открыли новое кладбище.

Живя в Москве, А.П. Чехов часто любил заходить в этот монастырь, в Успенский собор, гулять рядом с прудом. В своих записных книжках он написал: «...я по утрам хожу гулять, хожу в Новодевичий монастырь, на могилу Плещеева. Другой раз загляну в церковь, прислонюсь к стенке и слушаю, как поют монахи. И на душе бывает так странно и тихо!» В Успенском соборе и состоялось отпевание Антона Павловича.

На Новодевичьем кладбище рядом с могилой отца и был похоронен Антон Павлович Чехов. Длинных речей на похоронах не было – такова была воля писателя...

После смерти писателя известная актриса и литератор Татьяна Щепкина-Куперник, хорошо знавшая Антона Павловича, написала такие строки:

*Он с нами навсегда: душа его родная,
Все наши тяготы, сомненья, муки зная,*

*Нам издали дарит свой грустный, тихий свет,
Как тихая звезда над мутными волнами...
И верю: с Чеховым для нас разлуки нет,
Пока душа жива, я знаю: Чехов с нами!*

В 1908 году при помощи друзей и поклонников творчества писателя и особенно режиссёра К.С. Станиславского и русского дипломатического посланника Д.А. Эйхлера был открыт бронзовый памятник А.П. Чехову в Баденвайлере. Он был установлен на Крепостной горе, откуда открывается красивый вид на город и долину Рейна, которую до линии горизонта обступают невысокие французские горы Вогезы. Он стал первым памятником русскому писателю за границей.

В 1914 году, через 10 лет после его смерти, состоялось торжественное чествование памяти писателя, на котором присутствовал заместитель председателя российской Государственной думы Шидловский. Через 11 дней в жизнь Европы ворвалась Первая мировая война. Она разрушила многие связи между странами и сделала врагами вчерашних друзей. Война нанесла удар и по памяти о А.П. Чехова в Германии: в 1918 году бронзовый памятник великому русскому писателю в Баденвайлере был демонтирован и переплавлен для военных нужд. Остался только цоколь у старинной крепостной стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.